

Светлана Лыжина ДРАКОНИЙ ПИР

Светлана Сергеевна Лыжина

Драконий пир

Серия «Влад Дракулович», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69200944

SelfPub; 2025

Аннотация

Середина XV века. Восточная Европа. Только что отгремела новая битва на Косовом поле, став вторым крупным поражением христиан после битвы при Варне. Турки готовы устремиться дальше на север, но княжичу Владу, позднее прозванному Дракулой, безразлична судьба христианского мира. Он стремится заполучить трон Румынской Страны (Валахии), но не из-за властолюбия, а чтобы отомстить за смерть отца и старшего брата, погибших в результате предательства бояр. В деле мести будущий Дракула готов принять помощь даже от турок, если христиане не хотят помочь, ведь он думает, что месть сладка и принесёт ему радость... Но пир, устроенный молодым князем вскоре после восшествия на престол, окажется совсем не радостным.

Эта книга – продолжение романа «Время дракона». Является второй в цикле из четырёх художественных книг об историческом Дракуле.

Содержание

Об авторе	4
Драконий пир	8
Часть I	9
Часть II	56
Часть III	131
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Светлана Лыжина

Драконий пир

Об авторе

Современная российская писательница Светлана Лыжина в своём творчестве специализируется на средневековой истории Юго-Восточной Европы, а особое внимание уделяет Румынии и Молдавии. Интерес российского автора к этим двум странам не случаен, поскольку в XV веке они причислялись не к «западной цивилизации», а к периферии славянского мира и наряду с Русью получили у «просвещённых европейцев» наименование «восточных» государств.

По мнению Светланы Лыжиной, средневековая история этого региона удивительно похожа на аналогичный период в русской истории, что даёт простор для проведения скрытых параллелей и переосмысления вопроса о взаимоотношениях Востока и Запада.

Изучение истории и культуры Румынии и Молдавии писательница начала в институтской библиотеке МГИМО, будучи студенткой журналистского факультета и таким образом получив доступ к фонду, где представлены не только современные издания, но и редкие книги XIX века. Свои исследования она продолжила в московской Исторической

библиотеке, а позднее совершила несколько путешествий по историческим местам, находящимся на территории современных Румынии и Венгрии.

Одновременно было изучено множество исторических документов на старославянском, латыни и раннеитальянском языках. Изучение этих источников в оригинале позволило автору непредвзято взглянуть на их содержание, и этот взгляд не во всём совпал с распространёнными трактовками и пересказами, которые встречаются в исторической литературе.

Накопленный материал настоятельно требовал воплощения в тексте, причём в художественном, поэтому Светлана Лыжина, поступила на заочное отделение Литературного института им. Горького, ведь уже имеющееся журналистское образование, полученное в МГИМО, казалось достаточным только для написания небольших произведений, но не для объёмного исторического повествования.

Первым удачным литературным опытом Светланы Лыжиной стал роман «Время дракона», законченный в 2013 году и повествующий об одном из самых известных исторических и фольклорных персонажей Восточной Европы. Этим персонажем является румынский (валашский) государь Влад III Дракул, больше известный как «воевода Дракула» или Влад Цепеш.

Ему же посвящён другой роман Светланы Лыжиной – «Дракула и два ворона». Книга была опубликована в 2015

году под заглавием «Валашский дракон» и стала официальным литературным дебютом автора.

К настоящему времени завершена работа над четырьмя романами о Дракуле, освещающими разные периоды его жизни. «Время дракона» рассказывает о ранних годах главного героя и его взаимоотношениях с отцом, а также видными историческими деятелями той эпохи. Роман «Дракулов пир» повествует о борьбе Дракулы за отцовский трон, в результате которой он и заслужил свою особенную славу. «Дракула и два ворона» рассказывает о героическом противостоянии с турками, а «Принцесса Ильяна» – попытка реконструировать последние годы жизни Дракулы и понять причину его гибели.

Книги Светланы Лыжиной получили высокую оценку ряда читателей, но в то же время подвергаются критике за непривычный, очеловеченный образ Дракулы, поскольку этот персонаж гораздо чаще предстаёт на страницах романов как вампир, а не как реальное историческое лицо.

Избранная библиография Светланы Лыжиной:

Время дракона, 2018 (авторское название: «Влад Дракулович»)

Драконий пир, 2019 (авторское название: «Дракулов пир»)

Валашский дракон 2015, 2019 (авторское название: «Дракула и два ворона»)

Принцесса Иляна, 2019

Драконий пир

Есть промеж вас... мои враги. Я всех простил, а их не прощаю.

*Из письма князя Влада III,
позднее прозванного Цепешем,
в Брашов в 1456–1457 гг.*

Часть I

В вышине, не скрывая голубое небо, плыли сероватые облака. Некоторые выглядели совсем тёмными, похожими на грозовые тучи. Один раз над горизонтом даже появилось нечто иссиня-чёрное, задевавшее кудлатым брюхом за верхушки деревьев. Небо вокруг этой тучи сделалось ослепительно-ярким, а далёкая речка, очутившаяся в её тени, заблестела серебром. Казалось, что скоро будет ливень, но нет. Гроза так и не разразилась.

В стране, которую турки называли Эфлак¹, в октябре почти не бывало дождей, и потому под ногами турецкой пехоты, шагавшей по дороге этой страны, всё так же клубилась пыль, а под копытами конницы, что двигалась по прилегающим пастбищам, всё так же сухо шелестела жёлтая осенняя трава.

Предводитель войска Караджа-бей находился в центре турецких толп, потому что это самое безопасное место. Откуда бы ни напали враги – спереди ли, сбоку или с тыла, – всё равно не смогут сразу добраться до главного военачальника, чьи носилки с пологом из белого холста можно было опознать

¹ Эфлак – искаженное «Валахия». В документах на старославянском и латыни Валахией называли южную часть современной Румынии, однако в румынском языке слово «Валахия» не использовалось. Сами румыны называли своё государство – Румынская Страна.

издалека по высокому древку с двумя конскими хвостами, которое держал ехавший рядом человек.

Сам же военачальник отдыхал в носилках, но всё равно оставался облачённым в кольчугу, чтобы в любую минуту, если потребуется, препоясаться мечом, надеть шлем и сесть на осёдланного гнедого жеребца, которого вели следом.

Сейчас Караджа-бей, полулежа на подушках, не дремал, а пребывал в глубокой задумчивости. Он думал о своём девятнадцатилетнем подопечном, который проявил опасное безрассудство – уехал вместе с разведывательным конным отрядом, когда мог бы остаться здесь, где ничего не грозит.

Предводитель войска беспокоился, потому что помнил слова своего повелителя – султана Мурата:

– Смотри, береги этого барашка. Он ни в коем случае не должен умереть раньше, чем окажется на троне Эфлака. Также будет хорошо, если и после восшествия на трон он останется в живых хотя бы месяц. Ну а дальше пусть заботится о себе сам.

Разумеется, султанов военачальник, будучи человеком опытным, перед тем, как отпустить «барашка», чья жизнь столь ценна, принял все меры предосторожности. Во-первых, взял со своего подопечного обещание, что тот, если увидит врагов, не ввяжется в бой, а сразу поскачет назад к войску, и, во-вторых, командиру разведывательного отряда было велено проследить, чтобы безрассудный юнец сдержал слово.

– Храни его от опасностей. Ты знаешь, что в случае чего твоя голова скатится с плеч первой, – сказал Караджа-бей, на что командир отряда – человек молодой, но не раз смотревший смерти в лицо – лишь ответил:

– Да, мой господин.

Возможно, он добавил бы что-нибудь нелестное насчёт юнца, но тот стоял рядом. Караджа-бей затем и позвал начальника отряда, чтобы с рук на руки передать «барашка», уже облачённого в кольчугу и вооружённого, то есть полностью готового к предстоящей вылазке.

Меж тем «барашек» всячески выражал нетерпение, а едва закончилась беседа, побежал к своему коню, вороному шайтану, вскочил в седло и умчался вперёд, сопровождаемый лишь своим слугой-оруженосцем на коне такой же масти.

«Эх, с этими неугомонными одно беспокойство!» – подумал начальник отряда, быстро попрощался с Караджой-беєм и, тоже вскочив на коня, припустился следом.

Догнать подопечных получилось только на переднем крае войска, где юнец и слуга медленно рысили в одном ряду с полусотней турецких всадников, уже собравшихся, чтобы отправиться шарить по окрестностям.

Командир отряда, обогнув всех и остановившись прямо перед мордами их лошадей, сказал:

– Влад-бей, если хочешь, чтобы я взял тебя с собой, ты не должен выезжать вперёд меня.

Тот улыбнулся и ответил:

– Ладно, Челик-эфенди. Я же обещал твоему господину побережь свою жизнь, чтобы его голова не скатилась с плеч. Значит, и о твоей голове побеспокоюсь.

– Ты говорил так и в прошлый раз, но тогда я тоже боялся за свою голову, – ответил Челик, сохраняя серьёзный и строгий вид.

Собеседник продолжал молча улыбаться, показывая, что ему больше нечего добавить к сказанному, поэтому командир взмахнул рукой, отдавая приказ «вперёд», и все всадники с гиканьем понеслись по дороге.

* * *

Юный Влад вёл себя в присутствии турок весело и задористо, стремясь утаить, что чувствовал на самом деле. За показным нахальством скрывались сомнения и растерянность. Совсем не так он хотел бы возвращаться в родные края из чересчур гостеприимной Турции, в которой провёл четыре года.

Только-только оказавшись на чужбине, Влад уже мечтал, как вернётся в Румынию, но даже представить не мог, что приведёт в родные края турецкое войско, то есть нечестивцев, убийц и разорителей. Это казалось невозможно, и вот теперь он привёл почти тридцать тысяч, а сегодня обговаривал с начальником этой армии, Караджой-беем, как они будут брать Тырговиште – румынскую столицу!

«Я сам разоряю собственную страну. Страну, которой со-

бираюсь править», — говорил себе Влад и в такие минуты сомневался, что достоин трона.

К счастью, весть о появлении турок бежала далеко впереди войска. Селения, которые встречались по дороге, были уже покинуты жителями. Пленников попадалось мало, и всё же Влад знал, что они есть, и не приближался к ним. Он не мог смотреть этим людям в глаза, и у него всякий раз холодело внутри при мысли о том, что кто-нибудь из пойманных румын распознает в нём соплеменника, кинется в ноги, попросит о помощи. Что тогда? Как им помочь? Выкупить у турецкого хозяина?

Конечно, у Влада имелись деньги и ценные вещи, но выкупить даже десятую часть новообращённых рабов он всё равно бы не смог. Выкупишь одного, и эта весть сразу разлетится по всему лагерю, и придут ещё люди, и будут просить. И как объяснить им, что у тебя не осталось ничего, на что можно купить рабов?

В такие минуты Влад радовался, что носит турецкую одежду или турецкий доспех. Турецкий халат и турецкая кольчуга делали своего обладателя очень похожим на турка. Разговаривать в лагере Влад стремился только по-турецки. Разве что у себя в шатре, говоря со слугами, изменял этому правилу.

Хотелось спрятаться, но от самого себя не спрячешься. Оставалось утешаться тем, что сбор урожая уже окончился, а значит, турецкая конница, хоть и топтала поля, не при-

носила вреда румынским жителям, не обрекала на голод. Главный вред ожидался при штурме Тырговиште, поэтому будущий князь дал себе слово сделать всё возможное, чтобы не допустить разграбления города. Если столица сдастся без боя, предотвратить турецкие бесчинства казалось вполне возможно.

Только одно заставляло Влада забыть об укорах совести. Только одно разгоняло все сомнения – мысль о том, что он должен отомстить за своих убитых родных: за отца и старшего брата, которые оказались помехой для некоего Владислава, заявившего права на румынский трон.

Влад знал очень мало подробностей этой истории. Знал лишь, что Владислава поддержал могущественный венгр Янош Гуньяди.

Когда-то этот Янош дружил с отцом Влада – ещё с тех времён, когда отец вступил в рыцарский Орден Дракона, начал чеканить свою монету с драконьим знаком и получил за это прозвище Дракул. Венгр и Владов родитель дружили крепко, но вдруг рассорились. В памяти у сына навсегда остался тот день, когда в первый раз обнаружилось, что отец и Янош смотрят друг на друга холодно и отстранённо. Тогда казалось, что размолвка временная, но нет.

Влад хорошо помнил и самого Яноша, ведь когда-то даже гостил в его родовом замке. Особенно запомнилось лицо – высокий лоб, рано начавший лысеть, мясистый нос и большие глаза, как у филина, вылетевшего на охоту.

Раньше казалось, что в высоком лбу и необычных глазах есть знак того, что Янош – человек выдающийся, но теперь лицо венгра казалось Владу уродливым, и такими же уродливыми представлялись все люди, хоть сколько-нибудь на этого венгра похожие.

А вот Владислава Влад не видел ни разу. И не знал, как тот выглядит, но ненавидел не меньше, чем Яноша, ведь именно ради Владислава некие бояре из отцовского окружения решились на предательство.

Когда Янош Гуньяди во главе войска пришёл из-за гор в Румынию, чтобы посадить Владислава на румынский престол, то Владов отец, готовившийся сразиться с Яношем, оказался отравлен. Вот так сильно некоторые бояре не хотели воевать, что решили прибегнуть к помощи яда, чтобы не идти в поход! Трусливые твари! Однако отец Влада всё равно собрал войско и, преодолевая себя, выступил в сторону гор. Он стремился на битву, а бояре-отравители, следуя за ним, только и ждали, когда же он умрёт.

Отец не дожил до дня встречи с венграми, умер раньше, после чего Янош, увидев труп, приказал, чтобы мертвецу отрубили голову, сделали из неё чучело и отправили в Турцию, ко двору султана, где тогда жил Влад вместе со своим младшим братом Раду.

Влад видел отцовскую голову и запомнил её – помнил лицо мёртвого, которое казалось знакомым и в то же время незнакомым. Кожа на этом лице побелела, сделалась похо-

жей на пергамент. Брови поредели. Глаз и вовсе не стало – веки были зашиты крупными неровными стежками. Губы иссохли, искривились в странной, ни на что не похожей усмешке, открывавшей и верхний, и нижний ряды зубов. Длинные чёрные усы поникли и спутались, а волосы прилипли к макушке, словно их приклеивали. Вот такой стала отцовская голова!

«А мой старший брат? – спрашивал себя Влад. – Как теперь выглядит Мирча?» По слухам, Мирчу похоронили заживо, но чтобы окончательно это выяснить, могилу следовало вскрыть. Влад не раз думал о том, что же увидит, когда откроет гроб – подобие лица или только белые кости черепа? Представить что-то определённое никак не получалось, да и само место могилы пока оставалось неизвестным. Её ещё предстояло найти.

«Я спрошу про могилу у Владислава, когда встречу с ним, – думал девятнадцатилетний мститель. – Я спрошу его, где похоронен мой брат, а затем убью». Правда, после таких рассуждений здравый смысл начинал брать верх над гневом, и Влад спрашивал себя, как, будучи ещё юнцом, сможет один на один победить взрослого человека, который ещё совсем не стар. Владиславу было чуть более тридцати лет. А если в бою твой враг окажется сильнее и искуснее?

Конечно, Влад готовился к предстоящей схватке – каждый день упражнялся в битве на мечах. Сначала, взяв настоящее оружие, наносил удары по воздуху так и сяк, оттачивал дви-

жения, а затем брал деревянную палку и приказывал своему слуге, которого звали Войко², чтобы тоже взял палку и начинал нападать. Войко, светловолосый и сероглазый серб, был немного младше Влада, но казался старше из-за высокого роста и ширины плеч. Он возвышался над своим господином на целую голову, и потому Влад выбрал для учебных схваток именно его.

К сожалению, этот слуга умел драться плохо, ведь его учили не воинскому делу, а другим вещам, очень мирным, – к примеру, чистить хозяйские сапоги. Он вместе с несколькими другими слугами стал подарком от старого султана Мурата, желавшего, чтобы девятнадцатилетний юнец был окружён заботой и испытал как можно меньше тягот военного похода. Облегчить тяготы в дороге были призваны и другие подарки – просторный и удобный шатёр, три породистых вороных коня, отличавшиеся такой плавной поступью, что всадник сидел, как на облаке, и, наконец, две повозки с добром, каждую из которых тащила пара волов.

О большей части своего походного скарба Влад даже не помнил. Помнил про доспех, про кинжал и про меч, а ещё – про конскую сбрую, ведь они понадобятся для боя с Владиславом. Только это и занимало юнца. Про остальное он знать не желал, но слуги обязаны были знать обо всём, заботиться о сохранности этих вещей и, конечно, о своём юном хо-

² Серб Войко, слуга Дракулы – реальное историческое лицо, также известен как Войко Добрица. Впоследствии стал боярином в совете у Дракулы.

зяине. Они знали, как ставить шатёр, разводить огонь, готовить еду. Знали, как сделать так, чтобы господин всегда выглядел чистым и опрятным. Знали, как ухаживать за конями и волами, но вот в драках оказались малоискусны и не могли подсказать господину, как лучше держать оружие. Не могли подсказать и Войко.

Владу самому, без помощи знатоков, приходилось вспоминать уроки воинского дела, которые он получал когда-то давным-давно – ещё до того, как был отправлен отцом в Турцию. Да, это казалось очень давно, поэтому незадолго до похода Владу дали турецкого наставника, который научил его нескольким простым, но действенным приёмам. И вот теперь девятнадцатилетний ученик оттачивал всё это на своём слуге.

Войко искренне следовал приказу «не поддавайся» и к тому же оказался весьма смышлёным. Поначалу Влад легко побеждал его, но с каждым днём это становилось труднее, потому что Войко присматривался к господину, запоминал, как тот наносит удары, и мало-помалу перенимал науку боя на мечях. Слуга даже несколько раз победил господина!

Временами Влад оказывался озадачен. Из-за смышлёного серба, который учился слишком быстро, приходила нелепая мысль: «Чем больше я упражняюсь, тем хуже получается». А ведь Владу было совсем не до шуток! Он готовился к встрече со своим смертельным врагом и не мог эту встречу отменить. Значит, следовало победить во что бы то ни стало! Во что

бы то ни стало!

При мысли об этом девятнадцатилетнего мстителя охватывала ярость, он начинал быстро наносить удары деревянной палкой один за одним – то с одного боку, то с другого. Право, лево, право, лево, право, лево, а затем неожиданно нарушал этот ритм, просто уклонялся от палки противника вместо того, чтобы её отбить, и наносил удар с той же стороны, с которой нанёс только что. Так научил турецкий наставник, и в бою против Войко это часто помогало – слуга пропускал неожиданный удар. Но помогла бы такая хитрость против Владислава?

Влад этого не знал. Он мог лишь гадать и надеяться на удачу. Просить о помощи было некого. Разве что Бога? Но можно ли всерьёз просить Бога, чтобы Он помог тебе кого-то убить? Так делалось в прежние времена – до того, как Христос пришёл в этот мир и установил законы милосердия и прощения.

До Христа действовал закон – око за око, зуб за зуб. А вот в нынешние христианские времена мстить не полагалось, но как же откажешься, если помнишь отрубленную голову отца, превращённую в чучело по вине предателей, и если тебе говорят, что те же предатели погребли твоего старшего брата заживо.

Когда Влад вспоминал об этом, то чувствовал себя железным или каменным, то есть таким, которому не страшны ничьи удары. Он казался себе непобедимым. Он беззвучно

твердил, что достигнет всего задуманного. А вот что следует после? Вместе с мыслями о долге перед убитыми родичами, за которых надо отомстить, приходили мысли и об иных долгах.

Владу вспоминалось, что перед отправкой в Турцию у него появилась невеста. Тогда невесте исполнилось совсем мало лет. Кажется, десять или одиннадцать, поэтому внимания на неё он не обращал. Это была просто девочка, которая вместе со своим отцом, боярином Наном³, приходила к обедне в храм, построенный возле княжеского дворца.

Нан являлся одним из самых влиятельных бояр в княжеском совете. Заседал там не первый десяток лет. Вот почему отец уверял, что боярин Нан никуда не денется, что бы ни случилось, а с государями случается разное, и они не всегда способны позаботиться о своих сыновьях. Ну а после этих уверений обычно следовали слова, что Владу нужен надёжный кров, где всегда примут по-родственному и что этим кровом должен стать дом Нана. Как тут поспоришь! Спорить с родителем нельзя, даже если не хочешь жениться и не хочешь думать о том, что государи не вечны.

Конечно, родитель, когда говорил, что с правителями случается всякое, не думал о смерти, а предполагал лишь то, что может временно лишиться власти, сделаться изгнанником и оказаться где-нибудь в Молдавии или в ещё более далёких

³ Все бояре, упомянутые в романе, это реальные исторические лица. Подробнее см. в Приложении в конце книги.

крях. В таких обстоятельствах он не смог бы помочь Владу, если б турки отпустили того раньше, чем ожидалось. Вот о чём думал отец, а всё повернулось совсем иначе!

Влад не знал, причастен ли Нан к предательству и убийству. Возможно, что этот боярин остался в стороне, а поскольку был человеком изворотливым, то, даже не запятнав себя преступлением, мог договориться с боярами-преступниками, то есть остаться невредимым и сохранить хотя бы часть имений.

Влад представлял себе, как, уже разделившись с Владиславом и боярами-изменниками, обустроивается в отцовском дворце, начинает править, и вдруг, откуда ни возьмись, появляется Нан с напоминанием о свадьбе. Дескать, невеста уже вошла в возраст. Пора. Что тогда делать?

Отказаться Влад не мог. Это стало бы неуважением к памяти покойного родителя, который договаривался о женитьбе, но представить себя в качестве женатого человека казалось ещё труднее, чем в качестве того, кто смог бы победить Владислава в честном бою один на один.

* * *

Сероватые облака плыли по небу. Дорожная пыль клубилась под копытами коней. Справа и слева от дороги стелились жёлтые поля. На горизонте смутно различалась бледно-синяя полоска гор.

Всадники, поначалу мчавшиеся во весь дух, чтобы быст-

рее оставить позади основное войско, теперь двигались не так быстро – широкой рысью.

– Ну что, Влад-бей? – спросил Челик, обернувшись через правое плечо на своего подопечного, ехавшего с отставанием на один шаг. – Узнаёшь родные места?

– За четыре года я многое забыл.

– Значит, ты не скажешь мне, скоро ли покажется ваша столица?

– Мы уже проехали лес, который был слева от дороги, – ответил Влад. – Значит, она должна быть скоро.

Прошло ещё немного времени, и вот впереди появилась зелёная дымка фруктовых садов, а затем среди зелени стали различаться белёные стены домиков пригорода. Оборонительных стен и крепостных башен видно не было. Тырговиште стоял на равнине, не на холме, поэтому сады и дома полностью загораживали обзор.

«Если бы столицу собирались оборонять, то сожгли бы пригород, ведь он подступает к самым стенам, – подумал Влад. – Всем же известно, что вокруг крепости непременно нужна пустошь, чтобы обороняющиеся видели, куда метать стрелы и камни. Если же пригород цел, значит, те, кто затворился в городе, готовы сдаться без сопротивления».

Челику юнец этого не сказал, лишь ответил «да», когда турок спросил:

– Это и есть ваша столица?

Всадники из турецкого отряда, только что двигавшиеся

плотной кучей, рассыпались и поехали кто вправо, кто влево. Они отправились искать, не осталось ли возле города чего-нибудь, что могло бы стать добычей, – к примеру, стадо овец, опрометчиво пущенное на выпас, несмотря на приближение турецкого войска.

Влад и его слуга Войко остались на месте и смотрели в сторону города. Челик – тоже. Начальнику отряда незачем рыскать везде в поисках добычи, ведь подчинённые воины и так обязаны с ним делиться.

Вдруг Челик встревожился. Он сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул, призывая тех воинов, которые успели уехать ещё не слишком далеко, немедленно вернуться. На дороге, на самой границе пригорода, показалось едва различимое тёмное пятно, которое всё росло и приближалось. Чем ближе оно становилось, тем больше напоминало верховых людей – десятка два или полтора.

– Давай узнаем, что им нужно, – предложил Влад, тоже заметивший верховых.

– Нет, – коротко ответил Челик. Он огляделся и подсчитал, что к нему возвращается лишь одиннадцать его воинов. Остальные отъехали уже слишком далеко и не слышали, что командир зовёт.

– Почему нет? – спросил Влад.

– Потому что нам надо торопиться обратно к войску.

– Уже? Ничего как следует не разведав?

– Да.

– А как же та часть твоих людей, которые не слышали свист? – не понимал Влад. – Они поехали вокруг города, чтобы осмотреться, а если не увидят тебя, когда вернутся, то будут удивлены.

Челик снова глянул на незнакомых верховых, приближавшихся со стороны румынской столицы. Их было тринадцать или пятнадцать, а в турецком отряде осталось в общей сложности четырнадцать человек, если считать Влада и Войко.

Челик нахмурился:

– Будь ты обычным воином, Влад-бей, я бы остался, чтобы узнать, что нужно незнакомцам. Но твоя голова слишком ценна. Я не могу подвергать твою жизнь опасности.

– А вдруг это посланцы? – не унимался юнец. – Вдруг они едут к нам, чтобы обговорить условия сдачи города?

– А если нет? Что, если это такой же разведывательный отряд? Тогда они, возможно, захотят вступить в бой. Ты совсем не дорожишь головой, Влад-бей!

Влад твердил своё:

– Если это посланцы, то они увидят, что мы трусливо бежали, и подумают, что наше войско слабое.

– Они разуверятся в этом, как только увидят само войско, – возразил турок. – Не упрямясь, Влад-бей. Поворачиваем.

Одиннадцать воинов Челика уже почти подъехали к начальнику. Они тоже заметили, что со стороны города кто-то приближается, и, наверное, тоже считали за лучшее

уехать.

Влад делал такие предположения потому, что за годы, проведённые среди турок, успел изучить турецкие походные обычаи. Он участвовал в двух походах, окончившихся двумя большими битвами. Сначала было сражение под Варной, когда султан Мурат победил крестоносцев, а совсем недавно состоялась ещё одна победная схватка – на Косовом поле.

В обоих сражениях Муратово войско превышало христиан по численности, и не случайно. Турецкие воины всегда считали глупостью принимать бой, если силы равны, и предпочитали действовать наверняка. Вот теперь и Челик стремился уклониться от встречи с врагами, подозревая, что придётся драться, когда превосходства нет:

– Я взял тебя с собой лишь потому, что мне было приказано, – сказал он. – Но мне также было приказано проследить, чтобы ты выполнил обещание, которое дал. Ты обещал не вступать в бой.

Влад внутренне насмеялся над турецкой осторожностью.

– Там не воины, а посланцы, – повторил он и уже хотел пустить коня вперёд, навстречу незнакомцам, но начальник отряда, угадав это намерение, ухватил своего неутомного подопечного за пояс, на котором висел меч.

Если бы Влад сейчас пустил коня в галоп, то просто вылетел бы из седла и оказался на земле в очень глупом виде.

– Влад-бей, ты дал обещание и мне. Обещал, что будешь заботиться о сохранности моей головы, – сказал Челик, уже

совсем хмурый. – Значит, твоё слово легковесно?

– Хорошо, мы возвращаемся к войску, – вздохнул Влад и стал поворачивать коня.

– Если всё же решишь поступить как глупец, то знай, что у меня аркан наготове, – предупредил Челик. – Я не дам тебе ехать в такую сторону, где тебя ждёт опасность.

Войко – следивший за ходом беседы молча, как и полагается слуге, – тоже повернул коня. Лицо Войко как будто ничего не выражало, но Влад почему-то подумал, что юный серб, почти не умевший драться, уж точно не позволил бы Челику набросить аркан.

* * *

Неизвестные верховые, замеченные возле румынской столицы, действительно оказались посланцами. Главных было четыре – скромно одетые бородачи. Остальные одиннадцать – не бородачи, а усачи – составляли свиту, чтобы посольство выглядело внушительнее.

«Неужели эти люди не знают, что туркам покажется внушительной лишь та свита, которая больше сотни? – подумал Влад и сам себе возразил: – Нет, наверняка посланцы всё знают, но бояться попасть в плен, и поэтому ехать никто больше не вызвался». Такое предположение невольно приходило на ум, ведь посольство из Тырговиште озиралось так, будто оказалось посреди волчьей стаи. И всё же приехавшие могли считаться смельчаками.

Вызывало уважение и то обстоятельство, что пятнадцать человек заставили остановиться всё турецкое войско. Конечно, они не прямо заставили, но посланцев требовалось принять, а это не подобает делать на ходу.

Предводитель войска Караджа-бей выслушал их, по-прежнему оставаясь в своих носилках. Теперь эти носилки стояли на земле, а тот, кто в них находился, сидел, как султан на троне, скрестив ноги среди подушек. Владу принесли раскладной стул и поставили на траве немного в стороне справа, чтобы будущий румынский князь тоже слушал.

Посланцы говорили только по-румынски. Караджа-бей не понимал румынскую речь, поэтому рядом с ним кроме многочисленных военачальников, стражи и слуг находился толмач, переводивший на турецкий. Влад турецкую речь понимал, как и румынскую, из-за чего невольно выслушивал всё дважды.

– Кто вас прислал? – спросил Караджа-бей, и четыре главных посланца ответили, что они полномочны говорить от имени всех горожан Тырговиште.

Услышав это, Влад чуть не вскочил. Беседа только началась, а уже стало ясно самое главное. Посланцев отправил не Владислав, а простые «горожане». Значит, Владислава в Тырговиште нет! А где он? Где он мог находиться в то время, когда его столица вот-вот грозила оказаться захваченной?!

Об этом же спросил посланцев и Караджа-бей, на что было отвечено: Владислав сейчас за горами, в венгерских зем-

лях, то есть в Трансильвании, а когда же вернётся, никому неизвестно.

«Значит, сбежал! Трусливо сбежал! – промелькнула мысль у Влада. – Ты всё боялся драться с Владиславом, а он сам тебя боится!» Конечно, юнец тут же себе возразил, что этот трус испугался не девятнадцатилетнего противника, а большую турецкую армию, но произошедшее всё равно казалось удивительным. Получалось, что мужества у Владислава куда меньше, чем у самого Влада, ведь трус сбежал уже дважды.

Предыдущее бегство случилось чуть более десяти дней назад, на Косовом поле в сербских землях. Там состоялось сражение между турками и объединённой христианской армией, которую возглавлял Янош Гуньяди, а Владислав находился при Яноше.

Влад и тогда надеялся встретиться с Владиславом лицом к лицу – встать в турецкие ряды, участвовать в битве и, уловив момент, добраться до своего врага, схватиться в смертельном поединке, – но не пришлось. Юнец даже обратился к султану Мурату, самолично повелевавшему турецкой армией в той битве:

– Я прошу позволения взять в руки меч и проявить отвагу, – однако в ответ прозвучало короткое и строгое «нет».

Турецкому правителю явно докучала эта просьба, и потому Влад не мог попросить снова. Он вынужденно остался в султанском шатре, надеясь, что Владислав доживёт до конца

сражения и попадёт в плен, ведь тогда Мурат мог бы оказать неугомонному девятнадцатилетнему юнцу милость и позволить «поиграть с пленником».

А возможно, оказался бы пленён и Янош Гуньяди. Сразиться с ним один на один Влада тоже тянуло. Юнец ясно представлял себе этот поединок и почти не думал то том, что сражение может закончиться не в пользу турок. Их победа казалась предрешённой – само место боя располагало к победе!

* * *

Косово поле в переводе означает «дроздовое поле», но по-сербски название вмещало больше смысла, потому что, говоря «кос», сербы чаще всего подразумевали чёрного дрозда. Когда-то здесь и впрямь можно было увидеть множество небольших чёрных птиц, которые прыгали по земле, неизменно держа хвосты приподнятыми.

Дрозды шли вслед за пахарями, из развороченной почвы выхватывая дождевых червей, любимую свою пищу, а также – жуков и букашек, но это осталось в далёком прошлом. К тому времени, когда Влад оказался на Косовом поле, пернатых собирателей там почти не осталось. Они переселились туда, где кормят лучше, потому что на Косовом поле уже никто не пахал – разве что на самых окраинах. Серёдку не трогали, потому что более полувека назад там случилось большое сражение, в земле осталось много костей, и люди боя-

лись тревожить мёртвых.

В той битве полувековой давности сошлись сербское войско с войском турецким и турки победили. Сербь не устава-ли оплакивать своё поражение, но Влад, оказавшись в Косо-во и зная эту историю, всё равно хотел, чтобы турки победи-ли ещё раз, и вот в соответствии с его чаяниями всё повто-рилось – турки снова разбили христианское войско на том же месте. Султан Мурат, прямой потомок прежнего султа-на-победителя, не посрамил честь своего предка.

За битвой на Косовом поле Влад наблюдал с большим во-одушевлением, ведь она стала итогом войны, которую на-чал разгневанный султан, получивший «в подарок» от Яно-ша Гуньяди голову Влодова отца.

Сражение началась в четверг, и Влад, помнится, спросил своего слугу Войко, раз уж тот по рождению серб:

– Чем, по вашим поверьям, хорошо заниматься в четверг?

– По нашим поверьям? – не понял Войко.

– Каждый народ придумывает свои поверья о том, что хо-рошо делать в тот или иной день, – сказал Влад. – Эти пове-рья ещё называются приметами. И они появляются не просто так. Сейчас мы на твоей земле, поэтому я хочу знать здеш-ние поверья. Хорошо ли сегодня биться с врагом?

– Пренняя Косовская битва была во вторник, – заметил серб. – Вот поистине плохой день! По приметам моего наро-да во вторник лучше ничего не начинать, чтобы не навлечь

на себя беду⁴.

– Но сегодня-то четверг⁵, – не отставал Влад. – Хорошо ли начинать битву сегодня?

– Четверг – хороший день, – ответил Войко.

– А для кого он хорош? – продолжал спрашивать Влад. – Он хорош для христиан? Если для них этот день благоприятен, значит, для султана неудачен?

– Я не знаю, – признался слуга.

– Значит, удача будет на стороне султана! – решил Влад. – Ведь это Мурат начинает дело. А треклятый Янош, который возглавляет крестоносцев, лишь принимает битву, ему навязанную.

Вопреки расчётам Влада четверг оказался более благоприятным для крестоносцев, чем для турок. Янош атаковал турецкое войско, причинив весьма значительный урон, а на следующий день сумел пробиться почти до самого центра, где стоял султанский шатёр.

Влад находившийся в шатре, просил позволения у султана отлучиться, чтобы выйти наружу и посмотреть, что там делается, но султан снова ответил «нет», и это прозвучало ещё строже, чем прежде. Девятнадцатилетнему юнцу ничего не оставалось, кроме как стоять на месте и продолжать смот-

⁴ Предыдущая битва на Косовом поле состоялась в 1389 году 15 июня, во вторник. Закончилась победой турок. После этого среди сербов укоренились суеверия, связанные со вторником как несчастливым днём.

⁵ Косовская битва 1448 года началась в четверг, а закончилась в субботу.

реть на шашечные фишки, расставленные на карте перед Муратом и показывавшие положение войск. Белыми обозначались турки, а чёрными – христиане.

Лишь спустя несколько лет Влад наконец понял, что султан старательно берёт своего подопечного и потому не отпускал от себя. Мурат не хотел, чтобы юнца, который должен был сесть на трон Эфлака, задела случайная стрела. Вот почему на позволение «поиграть с пленниками» тоже не стоило надеяться, даже если бы Янош Гуньяди и Владислав в самом деле попали в плен. Влад же, представляя себе эти честные поединки, проявлял полное незнание жизни.

А битва шла своим чередом. Сила крестоносцев иссякала, но пробиться к султанскому шатру они так и не смогли. Турки отбросили их, а затем Мурат, желая окончательно измотать противника, велел обстреливать христианский лагерь из пушек. Грохот орудий слышался всю ночь с пятницы на субботу, а в субботу турки начали сами наступать и смяли весь христианский лагерь. Лишь тогда, когда исход битвы стал ясен, султан вышел из шатра, сел на коня и, окружённый янычарами со всех сторон, поехал к месту затихавшего сражения, позволив Владу надеть доспех и ехать рядом.

Вокруг уже сгущались сумерки. Слева догорал розово-золотой закат. Впереди копошилась тёмная масса людей, чуть освещённая жёлтым пламенем горящих повозок христианского лагеря. Слышались крики, звон металла и всё тот же пушечный грохот, но теперь он раздавался совсем редко.

Когда стреляли со стороны христиан, то среди поля боя на мгновение появлялся белый сполох, заметный даже издали.

К Мурату подвели четверых знатных пленных, но тот, узнав, что среди них нет Яноша, вытащил саблю из ножен и собственноручно зарубил всю четвёрку, сказав, что эти люди ему не нужны. Пожалуй, в тот вечер Влад впервые увидел, как турецкая сабля опускается на чью-то голову, и впервые увидел смерть так близко – в нескольких шагах от себя. Тем не менее девятнадцатилетний юнец даже не вздрогнул, когда Мурат вдруг начал избавляться от «ненужных» пленных. Смерть на поле боя казалась чем-то обыденным.

Битва закончилась тем же вечером победой турок, а утро воскресенья ознаменовалось благодарственной молитвой – войско султана возносило хвалу Аллаху.

Утро выдалось туманным, как часто бывает в октябре. От рек, окружавших поле с трёх сторон, пришла серая дымка.

Окутанные туманом воины-мусульмане, все как один смотревшие в сторону Мекки, на юго-восток, стояли на своих ковриках, воздевали руки, опускали, хором произносили суры из Корана, кланялись в пояс, распрямлялись, опускались на колени, падали ниц, снова распрямлялись, садились на пятки, затем снова падали ниц и опять распрямлялись. Султан совершал священные действия на виду у всех, на холме рядом с шатром, но Влад мог бы побиться об заклад, что из-за серой пелены задние ряды молящихся не видели свое-

го господина.

Возле Мурата молились сановники. Здесь же, на холме, падали ниц, сгибались в поклонах и распрямлялись вездесущие дервиши, одетые в лохмотья и в высокие меховые колпаки шерстью внутрь.

Дервиши, являвшиеся чем-то вроде странствующих монахов, вызывали у Влада странное чувство. Сначала они ему нравились, потому что напоминали христианских монахов, но чем дольше Влад жил в Турции, тем больше понимал, что это сходство поверхностное. К тому же дервиши считали, что каждый христиан одержим демонами. Влад всё ждал, что один из дервишей укажет на него грязным пальцем и скажет «шайтан», и пусть такого ни разу не случилось, но юному христианину казалось неприятно, что дервишей привечали при султанском дворе – давали пищу и одаривали деньгами.

Когда султан направлялся в поход, все эти монахи шли следом, как прикормленные псы. Они воодушевляли турецких воинов на битвы, а в христианских землях ещё и громко поносили христианские армии, будто облаивали. Так было и во время недавней битвы – в турецком лагере раздавался лай и вой.

Сейчас Влад вместе с другими придворными христианами стоял в стороне и молча наблюдал за молитвой. Утренний холодок заставлял ежиться. Так и хотелось зевнуть, но разумный христианин при подобных обстоятельствах никогда этого не сделает.

Единственное, что можно было себе позволить, это посмотреть в сторону – на поле боя, почти скрытое туманом, где лежали тела людей, и лошадей, и даже верблюдов. Влад снова пожалел, что не смог наблюдать за сражением воочию. То немногое, что он разглядел вечером, не шло в счёт. Днём же Влад видел лишь белые и чёрные фишки, которые двигались по карте, расстеленной на ковре султанского шатра.

Наверное, эта карта до сих пор лежала там, в шатре, и фишки, подобно телам на поле, тоже оставались на вчерашних местах, ведь без приказа никто не стал бы трогать ни то ни другое.

Наконец, молитва окончилась, после чего Мурат сел на коня и проехал вдоль лагеря, устроив смотр войскам и одновременно желая явить себя людям. Приветственные кличи, громкие и раскатистые, сопровождали «великого и непобедимого» на протяжении всего пути.

По окончании смотра главнокомандующий призадумался, ведь ни Яноша Гуньяди, ни Владислава не оказалось среди пленных. Возможно, эти двое могли оказаться среди убитых, поэтому Мурат велел янычарам обшарить всё поле боя, то есть выискивать там христиан, одетых в богатую одежду и в дорогие латы. У этих христиан следовало отсекать головы, приносить на холм возле султанского шатра и складывать рядами.

– Иди сюда, мой барашек, – обратился султан к Владу.

– Я здесь, повелитель.

Султан придумал прозвище «барашек» давным-давно, четыре года назад, и за это время Влад вполне привык именоваться так. Слыша «барашек», девятнадцатилетний юноша уже не чувствовал обиды и даже перестал гадать, что означает прозвище. Гораздо интереснее было узнать, зачем зовёт султан.

– Ты видишь, что складывают янычары на холме? – спросил Мурат, когда «барашек» приблизился.

– Да, повелитель. Это головы твоих врагов⁶.

– Верно. – Султан улыбнулся. – А ты хочешь знать, для чего я позвал тебя?

– Да, повелитель.

– Иди и посмотри, есть ли там голова свиньи Юнуса, – так Мурат называл Яноша Гуньяди. – Никто не видел, куда он делся, но если мы не нашли его среди живых, то, возможно, найдём среди мёртвых. Ты ведь хорошо знаешь в лицо эту свинью?

– Да, повелитель.

– Я уверен: если голова Юнуса там, ты её не пропустишь. Поэтому повелеваю: если вдруг найдёшь, принеси её мне.

Услышав приказ, Влад не испугался и не преисполнился омерзения, а, наоборот, воодушевился: «Что, если султан прав и голова Яноша действительно там?» Также можно бы-

⁶ Эпизод с отрубленными головами, которые султан Мурат Дервиш после победы приказал складывать на холме, не выдуман. Он упомянут в средневековой книге «Записки янычара».

ло надеяться, что на холм принесут и голову Владислава. Но как её опознать? Ведь Владислава-то никогда видеть не доводилось.

Так размышлял Влад, рассматривая головы, количество которых увеличивалось довольно медленно, так что девятнадцатилетний «барашек» в нетерпении оглядывался: не несут ли ещё?

Между тем туман всё никак не желал рассеиваться. Дальние предметы казались тусклыми и расплывчатыми. Поле боя почти терялось в этой серой дымке. Янычары, бродившие среди тел, тоже делались тусклыми, словно призраки. Они уходили в глубь тумана и на время терялись в этой стране мёртвых, но неизменно возвращались, притаскивая в каждой руке по две-три отрубленные головы – иногда и по четыре, если длина волос на головах позволяла ухватить столько разом.

Кровь из шейных сосудов сочилась совсем тёмная, потому что тела пролежали на поле всю ночь. Лишь несколько раз Влад замечал ношу, которая, покачиваясь, брызгала в стороны красными каплями, оставляя приметные пятна на шароварах и сапогах янычара. Такие капли говорили о том, что смерть наступила недавно – возможно даже, что человек был ещё жив, когда голову отделяли от тела.

При виде этого Влад чувствовал, что совершается несправедливость, но тут же ободрял себя: «Надо ли задумываться о таком? Если человек получил рану, но под покровом мило-

сердной темноты не смог собраться с силами, чтобы отползти подальше и спрятаться где-нибудь, значит, рана слишком серьёзна и человек всё равно обречён».

Девятнадцатилетний юнец внимательно смотрел на неподвижные лица. Иногда, если голова, похожая на голову Гуньяди, лежала на боку, приходилось приседать и переворачивать руками, иногда – обтирать слой крови или грязи. А ряды всё прибывали, и Влад устал приседать, устал вытирать о траву испачканные ладони. Хотелось переворачивать уже не рукой, а ногой.

И вдруг ему привиделось что-то непонятное. Среди лиц, лиловых от ушибов и кровоподтёков, коричневых от грязи, серых от пыли, он увидел одно лицо, необычайно белое. Глаза зашиты крупными неровными стежками, губы искривлены в странной, ни на что не похожей усмешке, обнажая и верхний, и нижний ряд зубов. «Отец?» – Влад едва не произнёс это вслух.

Но ведь отцовской головы не могло здесь быть! Султан велел отнести её в свою сокровищницу, чтобы она хранилась там, как весьма ценная вещь и как напоминание о том, что следует «уравнять счёт». О способе уравнивания Мурат не говорил. Неужели хотел поставить рядом с головой, подаренной Яношем, голову самого Яноша? Возможно. Но почему же отцовская голова оказалась здесь?

Влад крепко зажмурился, а затем открыл глаза. Наваждение исчезло. Вместо отцовского лица было чьё-то другое,

жёлтое. Наверное, при жизни покойник отличался светлой незагорелой кожей, а после смерти остался лежать так, что вся кровь отлила к затылку, вот и пожелтел.

Девятнадцатилетнему юнцу подумалось тогда, что, возможно, он нашёл голову Владислава, но при ближайшем рассмотрении стало ясно, что это не так. Желтолицый выглядел лет на пятьдесят – гораздо старше Владислава.

И снова пришлось изучать лиловые, коричневые, серые головы, выложенные в ряд на осенней жухлой траве. Требовалось рассмотреть их все, все до единой – так приказал турецкий правитель, – и Влад снова принялся вглядываться в лица, но теперь уже не было соблазна начать переворачивать головы, упавшие набок, носком сапога. «Так нельзя, ведь это может оказаться голова православного христианина!» – говорил себе Влад, не желая уподобляться Яношу, глумившемуся над трупом врага, ведь превращать отрубленную голову в чучело – такое же глумление, как пихать ногой.

Голову Яноша Влад так и не нашёл, но Мурата это не огорчило. Великий и непобедимый был весел:

– Смотри, мой барашек, – свинья Юнус сумел добыть себе лишь одну ценную голову – голову твоего отца. А я добыл себе сотни! Значит, и сила моя в сотни раз больше!

Влад вежливо согласился, после чего предложил как следует поискать голову Владислава, но султан лишь отмахнулся:

– Она – не настолько ценная добыча, чтобы тратить время

на её поиски. Не огорчайся, мой барашек. Жив твой второй враг или нет, ты узнаешь совсем скоро, когда отправишься в свою страну, чтобы воссесть на трон.

«Скоро» наступило уже на следующий день, когда султан отправил значительную часть турецкой пехоты и конницы в Румынию, чтобы с помощью этой силы «барашек» смог завоевать себе престол. Над войском Мурат поставил опытного военачальника Караджу-бея, поэтому уже не волновался об успешном исполнении своих замыслов. Сам же «великий и непобедимый» отправился домой, в турецкую столицу.

Поход для султана прошёл не зря. В разгромленном христианском лагере нашлось достаточно добычи – дорогих и не очень дорогих коней, доспехов, разного оружия, в том числе пушек, – поэтому Мурат не видел надобности заниматься грабежами. Для «великого и непобедимого» настало время отдыха.

* * *

Пока Влад выслушивал посланцев из румынской столицы, воспоминания то и дело озаряли его сознание. То, что говорили эти бородачи, заставляло о многом подумать, хотя, казалось бы, не было сказано почти ничего.

– Не слишком ли вы торопитесь? – с лёгкой улыбкой спрашивал у них Караджа-бей. – Мы ещё не подошли к городу, а вы уже явились нас встречать!

– Мы думаем, что чем раньше встретить воинов великого

султана, тем лучше, – отвечали посланцы. – Мы торопились сказать, что не враги вам и что не станем ничего делать вам во вред. Мы готовы без всякой платы привезти вам пищу для людей и корм для коней, сколько нужно. И мы готовы кормить вас столько, сколько вы собираетесь здесь оставаться. Так уже было пять лет назад, когда к нам пришло много воинов великого султана, и мы оказывали им гостеприимство, и все были довольны.

Пять лет назад... Пять лет назад к румынской столице и впрямь приходили турки, приведённые отцом Влада, желавшим вернуть румынский трон, занятый очередным ставленником из Венгрии. Ведь не только нынешний выскочка Владислав зарился на трон – зарились многие, так что венгры, желавшие сменить в Румынии власть, имели возможность выбирать.

Вот и Янош Гуньяди пять лет назад выбрал очередного проходимца и решил вручить ему власть в Румынии. Отцу Влада уладить это дело миром было уже невозможно – особенно тогда, когда стало известно, что Янош дал проходимцу войско и что скоро оно окажется под стенами Тырговиште.

Ничего не оставалось, кроме как обратиться за помощью к султану Мурату – поехать к турецкому двору и выпросить такое войско, которое превышало бы по величине венгерские силы. Родитель провёл в Турции восемь месяцев, а сам Влад вместе с братьями и мачехой оказались вынуждены на это время покинуть столицу и прятаться в дальнем имении

боярина Нана, «чтоб проходимец не нашёл».

Временами казалось, что жизнь в захолустье будет продолжаться вечно, но она закончилась неожиданно. Приехал Нан, очень довольный, и, даже не успев слезть с коня, сказал Владу:

– Собирайся. И старшему брату скажи. Вернулся. Едем встречать.

Нан привёз старших сыновей своего государя прямо в турецкий лагерь, устроенный возле Дуная. Там сыновья увидели отца после долгой разлуки, а затем все вместе отправились к Тырговиште.

Это была радостная поездка. Отец возвращался домой совсем не так, как теперь это делал сам Влад. Была не осень, а весна. Светило яркое солнце. На пастбищах зеленела трава. Страна не казалась пустыней. Не было покинутых селений. Жители выходили на дорогу, чтобы встретить своего вернувшегося государя, который, презрев все опасности, ехал далеко впереди турецкого войска.

– Человеку, который прав, бояться нечего, – так он говорил.

А ещё отец Влада обещал туркам, которых привёл, что если они не будут сами брать себе добычу, то есть разорять румынские земли, то в возмещение получают много золота.

Влад, теперь повторяя отцов путь, тоже рад был бы дать такое обещание, но не мог. Родитель обещал озолотить воинов султана потому, что до отъезда в Турцию припрятал в

надёжном месте свою княжескую казну, а у Влада никакой казны не было. Да и ехать впереди девятнадцатилетнему юнцу никто не давал – опасно, и к тому же негоже ехать одному.

К отцу, когда тот возвращался из Турции пять лет назад, сразу примкнули верные бояре – не только Нан, – так что родитель ехал впереди войска с большой свитой. А вот теперь всё происходило совсем иначе – встречать Влада не приехал никто. Совсем никто, если не считать посланцев из румынской столицы, которые, сказать по правде, обращали на своего будущего государя очень мало внимания. Все их поклонны и улыбки оказались обращены главным образом к предводителю турецкого войска Карадже-бею.

– Мы просим ваше войско остановиться здесь и не подступать к самому городу, – осторожно сказали бородачи и тут же пояснили, что опасаются повторения событий пятилетней давности, когда торговцы, видя турок близ столицы, стали бояться возить товары на городской рынок. Конечно, смельчаков тоже хватало, но цены на рынке поднялись, что вызвало в народе ропот.

Влад узнал об этом только сейчас и был сильно уязвлён таким открытием. Он помнил, как народ в Тырговиште радовался, когда отец проезжал по улицам. А когда через неделю, в воскресенье, вся княжеская семья отправилась к обеду не в дворцовый храм, а в митрополичий собор, чтобы показаться народу, то на площади перед собором стояла огромная толпа. Увидев своего государя, горожане сняли шапки с

голов и кричали «слава».

Они кричали «слава», а турецкое войско к тому времени находилось возле города уже довольно долго. «Значит, и цены начали расти, – думал Влад. – Так что же получается? Народ внешне радовался, а про себя вздыхал, что опять теряет в деньгах? Да что ж за мелочность такая! Почему нельзя порадоваться чему-нибудь от всей души, без задних мыслей! Или народ не радовался вовсе, а лишь притворялся? Нет, радовался. Ведь иначе народ не явился бы к собору. Не станет же целая толпа нарочно идти на площадь, чтобы лицемерить, если никто её туда не гонит».

Девятнадцатилетний юнец пытался убедить себя, что люди радовались искренне, но всё же полностью избавиться от подозрений не получалось. «А если б народ мог выбирать? – спрашивал себя Влад. – Если бы люди заранее знали, что из-за моего отца вырастет цена на хлеб и на другое, то кого бы они выбрали? А вдруг выбрали бы того выскочку, которого пришлось прогонять с турецкой помощью? Вдруг предпочли бы его, чтобы выгадать несколько серебряных монет? Неужели им всё равно, законный ли правитель сидит на троне? Неужели им главное, что цены не вырастут и что войны не будет, а до правды и справедливости им дела нет? А кто тогда для этих людей я? Законный наследник румынского престола или неожиданная напасть на их головы?»

Между тем Караджа-бей торговался с посланцами:

– Если вы хотите, чтобы мы не трогали город, то заплатите

нам шестьдесят тысяч золотых, — сказал он.

— Мы весьма сожалеем, но собрать такую сумму не сможем, — возразили посланцы. — Тридцать тысяч мы готовы дать.

— Пятьдесят, — сказал предводитель войска. — А иначе мы возьмём город и сами соберём с вас эти деньги.

— Увы, не соберёте. — Посланцы покачали головами. — Даже если вы перетрясёте всех жителей, то не соберёте больше тридцати тысяч. Все купцы сбежали из города и увезли с собой свои деньги. Месяц назад мы могли бы собрать даже пятьдесят тысяч, а теперь денег не стало.

Караджа-бей, услышав это, призадумался, явно расстроенный, но посланцы начали утешать турка новыми обещаниями:

— Вместо денег мы можем дать дорогих тканей, можем дать мех пушных зверей и ещё — мёд. В городе осталось много хорошего товару, который купцы не успели увезти. Если же вы будете брать город штурмом, то товар, что хранится в лавках и на складах, может погореть. Разве это хорошо? Лучше мы отдадим его вам.

Предводитель войска согласился. Так румынская столица оказалась спасена от разграбления. Её спасли сами жители без всякого участия со стороны Влада, отчего будущий государь опять оказался уязвлён и раздосадован: «Значит, я всё же для них напасть, а не наследник, который пришёл взять принадлежащее по праву. Значит, никто не будет кричать

мне «слава», когда я въеду в ворота города».

Конечно, если бы наследник сказал посланцам, что хочет приветствий, то его пожелание было бы в точности исполнено. Влад подумал об этом, когда Караджа-бей указал вправо, то есть на своего девятнадцатилетнего подопечного, и произнёс:

– Это ваш новый государь.

Бородачи повернулись к Владу и поклонились. Поклонилась и усатая свита бородачей. Казалось, эти люди проявляли почтительность и покорство, но в глазах так и читалось: «Кто ты такой? Зачем пришёл к нам? Лучше б оставался там, где был».

Влад же мысленно отвечал им: «Я сын убитого отца. Я брат убитого брата. Я пришёл потому, что не мог не прийти. И вы примете меня. Мне не надо ваших лживых славословий и притворной радости! А надо, чтобы вы помогли мне исполнить то, что я обязан исполнить. Если же кто откажется мне помогать или вздумает мешать, пусть пеняет на себя!»

* * *

Широкая улица пригорода, по бокам обрамлённая высокими дощатыми заборами и глубокими сточными канавами, вела напрямик к приземистой кирпичной башне, в которой находились Южные ворота. Справа и слева от башни – на крепостной стене, также сложенной из кирпича, – толпились люди и растерянно глядели на приближавшегося Влада, всё

так же облачённого в турецкие доспехи и восседавшего на вороном коне.

Девятнадцатилетний юнец, которого турки старательно оберегали, наконец получил возможность ехать впереди, чему был весьма рад. По правую руку от него ехал Войко. По левую – Челик, а за ними следовали ещё трое Владовых слуг и все люди Челика.

Турецкий разведывательный отряд выполнял те же обязанности, что и всегда: должен был разведать, что делается в городе, и уберечь «барашка» от возможных опасностей, – однако, судя по тому, как вёл себя народ на крепостной стене, опасаться было нечего. Челик уже не хмурился, а угодливо улыбался:

– Влад-бей, ты ведь не обиделся на меня за то, что я тогда схватил тебя за пояс? Не сердись, что я говорил про аркан? Я ведь заботился о сохранности твоей головы, и только. Я не имел цели тебя оскорбить.

– Да, я понимаю, и я не в обиде, – ответил Влад.

Вдруг что-то заскрипело. Это стала подниматься деревянная решётка, закрывавшая въезд в город. Располагавшиеся за ней тяжёлые ворота, окованные железом, уже были распахнуты, поэтому конники, не задерживаясь, поехали вверх по городской улице в сторону государевых палат.

Влад вдруг вздрогнул от нахлынувших воспоминаний. А ведь за последнее время успел повидать всякое и успел решить, что чувства его огрубели. Он полагал, что разные ме-

лочи уже не способны задеть его за живое, но вот увидел обычную улицу, и начало щемить сердце: «Вот по этой самой улице ты ехал четыре года назад в Турцию. Но это ведь мелочь! Такая мелочь! Мало ли в Тырговиште улиц, по которым ты проезжал!»

Тогда, четыре года назад, рядом ехал отец, который посадил впереди себя, на конскую холку, другого сына, маленького Раду, и всячески пытался убедить обоих отпрысков, что они едут в увлекательное путешествие.

Влад вспомнил, как слушал родительские слова и верил. В тот давний день как-то не думалось о том, что всё имеет свою цену и что войско, которое отец взял у султана Мурата, чтобы прогнать венгерского ставленника, не могло быть дано в обмен на пустые слова. К тому же турецкий правитель оказал отцу Влада и другую милость – были отпущены сыновья некоторых румынских бояр, которые удерживались при турецком дворе в заложниках около десяти лет. Султан проявил большую щедрость, поэтому Влад и Раду оказались вынуждены занять освободившееся после боярских сыновей место во дворце Мурата.

Всё имеет свою цену, но кто же знал, что эта цена окажется такой высокой! Кто же знал, что отец отвезёт своих детей в Турцию, но уже не увидит, как Влад приедет домой! Кто мог знать, что жизнь так повернётся! Никто не мог знать. Разве что венгр Янош Гуньяди мог, ведь он уже тогда замышлял недоброе...

Городская улица, по которой Влад теперь возвращался в отцовский дворец, была безлюдна, если не считать чьих-то лиц, смотревших в окошки. Эти лица казались такими же белыми, как белёные стены домов. «Неужели горожане бледны от страха? – мысленно усмехнулся Влад. – Кого же они испугались? Меня?»

Из-за высоких заборов тоже выглядывали чьи-то головы, но как только замечали на себе взгляды турок, сразу прятались.

* * *

Справа показался частокол в два раза выше самого высокого городского забора, составленный из очень толстых брёвен. Это ограда государева двора. Влад проехал ещё немного и увидел большие деревянные ворота. Они были приоткрыты, как если бы не осталось никого, кто мог бы задвинуть засов, находившийся с внутренней стороны.

По указанию Челика двое турок, ехавших позади, спешились и открыли створки широко, чтобы весь отряд мог проехать. Теперь за воротами стал виден широкий деревянный мост. Справа и слева от моста виднелась серая гладь воды, наполнявшей оборонительный ров. На другой стороне рва возвышался ещё один ряд частокола, а сам мост вёл к воротам высокой кирпичной башни. Ворота в ней также оказались приоткрыты – заходи, кто хочет.

«При желании Владислав мог долго сидеть здесь и оборо-

няться, – подумал Влад. – Однако этот трус не захотел».

Государев двор в Тырговиште имел серьёзные укрепления, построенные с умом. Через два ряда высокого частокола казалось очень трудно перебраться. Конечно, частокол можно было сжечь, но толстые брёвна вековых деревьев горят плохо – снаружи обуглятся, а насквозь не прогорят. Чтобы сгорели, требовалось облить их особым маслом, а если его не оказалось бы, то стволы оставалось разве что выкопать, но и это получилось бы не так легко, потому что нижние концы брёвен глубоко сидели в земле – на полтора человеческих роста.

Существовало лишь два входа в эту крепость: главный – с городской улицы, и задний – со стороны садов и огородов, также относившихся к государеву двору. Там же, возле задних ворот, находились коровник, свинарник, птичник и много чего ещё, о чём Влад помнил потому, что в детстве играл там со старшим братом в прятки и догонялки. «Где ты теперь, Мирча? – думал он. – И что осталось от прежней жизни?»

Тем временем конный отряд успел проехать по деревянному мосту и через арку ворот кирпичной башни, чтобы оказаться перед дворцом. Вот и сам дворец – длинная хоромина с высоким каменным крыльцом и множеством квадратных окошек в белёных стенах. Из-за дальнего угла этого строения выглядывал дворцовый храм.

И опять ни души. Вытопанную землю перед крыльцом

запорошило опавшими листьями. Кое-где среди них валялись какие-то тряпки, а в стороне стояла телега со сломанной задней осью. По всему было видно, что недавние обитатели дворца покидали это место в спешке.

– Значит, ты не сердишься на меня, Влад-бей? – всё допытывался Челик. – Ты ведь проявишь гостеприимство?

– Чего ты хочешь? – не понял Влад.

– Я сейчас твой гость? Так? Значит, я могу взять в твоём доме то, что мне понравится?

Влад, занятый совсем другими мыслями, наконец сообразил: турку хотелось пошарить здесь, поискать добычи, несмотря на запрет Караджи-бея, уже получившего от города деньги и обещавшего, что турецкие воины не станут заниматься грабежом.

– Ты же видишь, что мой дом разорён, – безразлично произнёс Влад. – Здесь нет ничего ценного... но если всё же найдёшь, то забирай.

Он спешил, передал конский повод Войко и направился к крыльцу.

– Сначала я, – крикнул Челик, первым взбегая по ступенькам. – А то вдруг там внутри затаился враг.

Турки рассыпались по полупустым комнатам, а Влад, почти не обращая внимания на торопливый топот, нетерпеливое гроыхание дверями и разочарованные возгласы, направился в тронный зал. Ноги почему-то сами понесли именно туда.

Обстановка казалась почти прежней – всё те же каменные своды, опиравшиеся на множество столбов; всё те же серые каменные плиты пола. На возвышении напротив главных дверей стоял всё тот же трон, но рядом с троном уже не было двух кресел, как четыре года назад, когда в этих креслах сидели Влад и его старший брат, присутствовавшие на советах вместе с отцом.

Что ж, отсутствия кресел следовало ожидать. Владиславу эти кресла были ни к чему. Он наверняка приказал выкинуть их прочь или даже изрубить в щепки, для наглядности. «Трус! Только и умеет, что воевать с пустыми креслами!» – думал девятнадцатилетний юнец.

Он прошёл мимо боярских скамей. Шаги звучали непривычно гулко, потому что в прежние времена на полу лежали ковры, а теперь исчезли. Мелькнула язвительная мысль: «Ишь, Владислав – рачительный хозяин. Даже ковры вывез!»

Наконец, Влад взошёл по ступенькам тронного возвышения и осторожно сел на княжеское место. Отсюда, с трона, зал выглядел непривычно, ведь четыре года назад сюда входил княжич, который лишь присутствовал на советах и совсем не думал, что когда-нибудь станет возглавлять их. Отец был ещё не стар, а после отца на трон следовало сесть старшему брату. Влад не раз слышал это и от родителя, и от своих наставников: «Мирча станет править, а ты станешь ему помогать». И никогда речи не заходило о том, что будет, если помощнику придётся самому взять в руки бразды прав-

ления. Казалось, что такое просто невозможно.

Вот почему Влад, когда живы были отец и Мирча, ни разу не посмел прийти в эту залу, когда нет заседаний, и попробовать посидеть на отцовском месте. А вдруг увидел бы кто? И что подумал бы? Что Влад желает власти? Но он её не желал! Ведь для того, чтобы он властвовал, отцу и Мирче следовало исчезнуть с лица земли. Нет, платить такую цену Влад никогда не был согласен. Сегодня он сел на трон впервые и сидеть оказалось неудобно, тоскливо. Девятнадцатилетний юнец подумал, что не готов принять на себя бремя управления государством. Пусть он считался взрослым, но для такого дела одной взрослости мало. Чтобы исполнять обязанности государя, нужна мудрость.

Влад оглянулся и мысленно спросил: «Отец, ты здесь? Я знаю, что твой дух где-то рядом, ведь ещё не все твои дела завершены. Ты здесь, потому что тебе ещё есть чему учить своего сына. Скажи мне, как управляться со всем этим огромным хозяйством, именуемым «Румынская Страна». Где взять верных людей? У меня пустая казна, долг перед турками. Я ведь обязался платить султану дань – привозить пять тысяч золотых ежегодно. Да, платить дань. Но это ничего, ведь и ты платил, и даже твой отец платил, вы не считали это позором».

Юнец на троне помедлил и продолжал: «Ты, наверное, смеёшься, слушая меня? Конечно. Ведь я ещё не правитель, чтобы думать об этом. Сперва надо разыскать митрополита,

который помажет меня миром и возложит на мою голову корону. Тогда я начну править. Найти бы ещё этого митрополита. Найти бы ещё корону. Или опять придётся делать новую? Ведь когда-то и для тебя пришлось заказывать венец к церемонии помазания, потому что золотая корона твоего отца исчезла неведомо куда. Я помню, как ювелир снимал с тебя мерку. Ты думал, я забыл? Ты полагал, что у детей быстро всё выветривается из головы? Когда тебя помазали, мне не было и ещё восьми лет, но я помню. Я всегда отличался хорошей памятью».

Влад посмотрел на пустые скамьи бояр: «Я помню многое. К примеру, помню в лицо каждого из твоих слуг. Скажи мне, кто из них тебя предал. Да, я знаю, что мёртвым трудно говорить так, чтобы живые понимали. Тогда просто укажи, укажи мне того, кого я могу спросить об этом. Ведь должен же остаться в Тырговиште хоть кто-то, кто знает имена предателей...»

– Господин, посмотри, кого мы нашли! – крикнул Войко, вбегая в залу.

Вслед за ним другие Владовы слуги, действуя негрубо, но настойчиво, тащили под локти некоего остробородого человека в монашеской рясе.

Даже людям, никогда не бывавшим во дворце, хватило бы одного взгляда на этого незнакомца, чтобы сразу понять, где он служит и кем, – высохший и сутулый, голова как будто присыпана пылью, а руки испачканы в чернилах.

– Э! – воскликнул Влад. – Да это же писарь из отцовской канцелярии!

Часть II

Воспоминания Влада о жизни в гостях у султана Мурата нельзя было назвать ни плохими, ни хорошими – в них смешалось и сладкое, и горькое. Вместе с султаном Влад бывал на войне, видел груды мёртвых тел и именно во дворце Мурата увидел отрубленную голову отца, присланную венграм. Да, всё это было, но у Влада сохранились и другие воспоминания о турецких временах, дорогие сердцу. Четыре года назад, когда отец отвёз его и маленького Раду к Мурату, это был последний раз, когда родитель проводил с сыновьями так много времени!

Прибыв в турецкую столицу Эдирне и представив сыновей султану, отец не сразу поехал обратно, а жил вместе с детьми в дворцовых покоях ещё недели две. Всё это время он давал наставления и водил сыновей по городу, показывал им казармы янычар и многое другое, а однажды утром родитель и сыновья, прогуливаясь по большому дворцовому саду, предназначенному для придворных, увидели одну любопытную сцену.

Некий дервиш, оборванный старик, решил доказать свою святость, совершив «чудо», ведь известно, что духовно просветленный человек способен творить чудеса. Правда, ни отец Влада, ни сам Влад не считали дервишей просветлёнными, а Раду был ещё слишком мал, чтобы иметь суждения

на этот счёт, но происшествие в саду всё равно казалось интересным и весьма поучительным.

«Святой» обращался к придворным, которые неспешно прохаживались по дорожкам и тихо беседовали. Так же неспешно прогуливался и отец с сыновьями, а старик нарушал общее спокойствие, размахивал руками и тряс головой, так что шапка этого «чудотворца» – меховой колпак, вывернутый шерстью внутрь, – будто танцевала на макушке.

– Вот смотри, – сказал отец Владу. – Все люди в детстве резвые, но некоторые и в старости никак не уgomонятся. Приучайся к спокойствию, а то вырастешь и будешь смешон.

Наконец старику удалось собрать вокруг себя толпу любопытных, и он начал что-то громогласно вещать. В потоке слов два раза прозвучало «алла», то есть Аллах.

– Что он говорит? – спросил Влад у отца.

– Говорит, что с помощью Аллаха сделает невозможное, – начал переводить родитель. – Говорит, что из нескольких монет угадает ту, которую люди втайне выбрали.

– А как угадает?

– погоди, – пробормотал отец, вслушиваясь. – Сейчас об этом речь... Сперва люди должны положить ему в чашку для подаяний несколько монет. Затем дервиш отвернётся и даже зажмурит глаза, а в это время самый недоверчивый из нас должен взять из чашки одну монету, хорошенько запомнить, передать соседям, чтобы те тоже запомнили, а затем положить обратно. После этого дервиш сам возьмёт чашку и, на-

правляемый Всевышним, вытащит из неё ту самую монету, которую мы выбрали.

Сын слушал и мельком подумал, что непременно должен овладеть турецкой речью так же, как отец: «Если он сумел выучить этот язык, то и я смогу, ведь мне жить здесь долго. Делать всё равно нечего».

Меж тем среди придворных султана, совсем не бедняков, нашлось пять человек, которые положили в чашку дервиша по одному золотому, а Влад успел заметить, что монеты, отчеканенные, судя по всему, в разные годы, сильно разнились меж собой. Один золотой был почти новый и блестящий, другой – затёртый и тусклый, третий – оплавленный с одного края, четвёртый оказался обрезан неровно и потому имел острые углы, а пятый выглядел тёмным, потому что золото, если примесей в нём много, со временем темнеет. Различий хватало, но они никак не помогли бы дервишу с угадыванием – надо ведь не просто различать монеты, а знать приметы именно той, которая выбрана.

Влад не знал, как старик ухитрится угадать, но дервиш выглядел уверенным – неторопливо поставил чашку для подаяний на траву под тенистым деревом, повернулся спиной и крепко зажмурил глаза, а один из придворных нарочно встал напротив, чтобы следить, не подглядывает ли «святой», пока люди выбирают.

Тем временем в толпе зрителей произошел спор – какую монету взять. Многие подозревали, что один из присутству-

ющих может оказаться с дервишем в сговоре, поэтому выбор монеты был доверен почтенному человеку, за которого поручились несколько других.

Наконец, одна из монет пошла по рукам – та, что темнее всех, – а когда она снова оказалась в чашке, дервишу разрешили повернуться. Тот сунул в чашку нос, бормоча молитву, и стоял так некоторое время, будто клевал носом деньги, как птица клюёт зерно. Наконец, старик взял одну монету и протянул её зрителям на открытой ладони. Аллах не дал ошибиться!

Толпа испустила удивлённый и в то же время радостный возглас, а Влад сначала тоже удивился чуду, но затем его вдруг осенило.

– Отец, – зашептал он по-румынски, повернувшись к родителю, – этот старик – не святой. Я знаю, как он угадал монету. Я видел такое у нас в Тырговиште, когда цыгане на рынке тоже угадывали. Они трогали монеты носом...

Кончик носа очень чувствителен к горячему и холодному – гораздо чувствительнее, чем кончики пальцев, а поскольку выбранную монету долго передавали от одного зрителя к другому, она запомнила тепло человеческих рук. Остальные монеты, сначала покоившиеся в кошельках, а затем лежавшие в тени под деревом, остались чуть холоднее.

Всё это Влад хотел объяснить родителю, но тот перебил сына:

– Я тоже такое видел. Но ты не говори никому, что это

не чудо. А то турки решат, что ты не уважаешь их веру, и сильно обидятся.

– Значит, я должен скрывать, что старик – обманщик, а они – простаки? – возмущённо зашептал Влад.

– Ты ещё слишком мал, чтобы судить о том, что такое настоящий обман и кто истинный простак, – ответил отец, строгим взглядом дав сыну понять, что спор окончен.

Княжич замолчал, но история с монетой показалась ему прямым доказательством того, что в Турции все делятся на обманщиков и простаков. Позднее он узнал, что монахи в восточных странах, именуемые арабским словом «факир», то есть «бедняк», часто показывают фальшивые чудеса, чтобы получить побольше милостыни, и это знание о факирах ещё больше укрепило Влада в мысли, что в Турции все либо дураки, либо обманщики.

Логика рассуждений казалась верной, но после отцовской смерти она нарушилась, и история с угаданной монетой стала видеться княжичу совсем иначе. Теперь многие турки представлялись ему не глупцами, а людьми с благородным сердцем, которые ждут такого же благородства от других.

Турки хоть и называли христиан недостойными, однако полагались на честное слово христианина. Если христианин давал обещание не нападать на турок, те верили, хотя, казалось бы, лишь простак станет полагаться на слово врага. Даже султану Мурату случилось попасться на такой обман – поверить клятвам крестоносцев, – но разве султан был про-

стаком?

А ещё турки твёрдо верили, что христианин вернёт долг, если обещал вернуть. Например, отец Влада собрал боярских сыновей, живших в заложниках у султана Мурата, и увёз назад в Румынию, а своих собственных сыновей, которые должны были занять место тех заложников, обещал Мурату только через год. Удивительно, но турецкий правитель терпеливо ждал новых заложников и не сомневался, что получит их!

«Попробовал бы кто в христианской стране провернуть такое! – мысленно восклицал Влад. – В христианской стране, если кто удерживает знатного человека в плену, то никогда не отпустит, пока не получит всего того, что обещано взамен, – деньги, земельные угодья или что-то ещё. В христианских странах все боятся быть одураченными. Странно, что у султана не так».

Живя в Турции, девятнадцатилетний юнец привык полагаться на слова султана и султанских слуг и не допускал мысли, что слова разойдутся с делами. Жаль, что это ощущение уверенности в окружающих людях мигом улетучилось с приездом в Тырговиште: Влад вдруг обнаружил, что не верит здесь никому, за исключением тех, кого привёл с собой. В Тырговиште ведь жили вовсе не турки.

* * *

Увидев, что в зал пришли, Влад уселся на трон поглубже

и постарался казаться спокойным, как когда-то учил отец. Девятнадцатилетнему юнцу совсем не хотелось выглядеть смешно, поэтому он принял расслабленную позу и ленивым движением сделал знак слугам, чтобы писаря подвели ближе.

Этого остробородого человека, облачённого в рясу, Влад помнил хорошо – имя его было Калчо⁷, и происходил он не из румынских земель, а из соседних, болгарских.

Калчо в молодости жил монахом в некоем болгарском монастыре, но не усидел там, ушёл, полгода странствовал, перебрался через Дунай и, наконец, оказался в Тырговиште, где поступил писарем в государеву канцелярию, благо знал славянскую грамоту, а людей, знавших такую грамоту, при румынском дворе всегда привечали.

Государем в то время являлся дядя Влада, звавшийся Александром Алдя. Калчо прослужил у него несколько лет, а затем достался в наследство отцу Влада, ставшему новым правителем.

К тому времени Калчо уже успел выучить румынский язык, но со страной не сроднился, смотрел вокруг, словно гость, который слегка разочарован и всё твердит: «Как-то у вас тут не так». Конечно, вслух этого никогда не произносилось, но на лице писаря читалось явственно. Потому и не

⁷ Писарь Калчо – реальное историческое лицо. Служил в канцелярии у князя Александра Алдя (дяди Дракулы), а также у отца Дракулы, у князя Владислава и у самого Дракулы. Биография Калчо реконструируется, исходя из того, что Калчо – болгарское имя, и того, что писарями в княжеской канцелярии традиционно служили монахи.

мог он никак дослужиться до должности повыше, а оставался среди низших. Может, его бы и вовсе прогнали, но уж очень оказался грамотен, обладал красивым почерком, так что писания, выходившие из-под руки Калчо, всегда радовали глаз.

Когда Влад, будучи ещё отроком, только-только начал присутствовать на боярских советах и сидел слева от отцовского трона, то часто наблюдал за писарем Калчо, примостившимся за столиком у левой стены зала. Писарь то и дело разглаживал чистый пергамент перед собой, грыз оконечность пера и будто говорил: «Да что ж вы всё ходите вокруг да около. Один полагает, что надо эдак, другой – что не эдак, а я уж давно понял, как составить эту грамоту и что в ней надо. Только дайте знак!»

– Я тебя помню, – произнёс Влад, стараясь говорить как можно медленнее. – Тебя зовут Калчо. Когда я заседал с отцом на советах, тебя часто приглашали записывать.

– Да, всё верно, – отвечал остробородый человек в рясе. – Я – Калчо. Доброго дня тебе, молодой господин.

Писарь поклонился, несмотря на то что слуги Влада продолжали держать его под локти, а затем сощурился и взгляделся в лицо собеседника:

– Неужто ты – Влад?

– А что? Не похож? – усмехнулся девятнадцатилетний юнец.

– Похож, господин Влад. Похож. Ещё усы бы тебе, и со-

всем стал бы как твой покойный отец. Прямо одно лицо...

Калчо чуть запнулся, видя, что собеседник помрачнел после слова «покойный». Писарь опустил глаза и продолжал:

– А я всё гадал, ты ли это. Тебя трудно узнать в турецком одеянии и доспехе.

– Да, я одет по-новому, – ответил Влад. – А ты – всё так же в поношенной рясе, как был четыре года назад. Я помню, мой отец хотел прибавить тебе жалованье. Значит, он не успел?

– Не успел.

– А что же Владислав, который занял место моего отца? Он тоже жалованья не прибавил?

– Да где уж взять денег на прибавку жалованья, господин Влад, – вздохнул Калчо. – Казна пуста. Одна война идёт за другой. В прошлом месяце Владислав ушёл в поход, а теперь ты к нам пришёл с войском...

– В прошлом месяце ушёл в поход? – перебил Влад. – И с тех пор не возвращался?

– Нет, не возвращался, – ответил писарь. – Он лишь прислал письмо, в котором велел своей супруге взять сына, собрать всё, что можно из вещей, и скорей ехать за горы, пока не пришли турки и не ограбили дочиста.

Влад не удержался от ехидного смешка, представив себе, как семья Владислава бежит за горы, в венгерскую Трансильванию, со всем скарбом, но затем подозрительность снова возобладала над весельем, и на ум пришёл вполне резонный вопрос:

– А что же ты остался? Не боишься турок?

– Бояться-то боюсь, – ответил Калчо, – но только года мои уже не те, чтобы по первому слову отправляться в неведомый путь. Ноги плохо ходят. В молодости я за горами не был, а сейчас и побывать не хочу. Лучше уж я здесь посижу, подожду, что дальше случится, да и за канцелярией надо кому-то приглядеть. – Писарь помолчал и добавил: Господин Влад, окажи милость, вели туркам, чтоб ничего в канцелярии не трогали. Всё равно там для них поживы нет. А то они уже приходили, ничего не взяли, но вещи разбросали, ларь один запертый сломали, а я бы им и так открыл, да только они не стали ждать, пока я за ключом схожу, сорвали навесной замок. Только зря силы потратили, ведь в ларе не нашлось ничего – только печать Владислава запасная, да воску красного кусок, да чернил банка, да перьев пучок, да листов...

– Хватит причитать. Сам же сказал, что ничего не взяли, – оборвал его Влад.

– А ещё в том ларе письмо было для тебя, – продолжал писарь. – Я его для сохранности в ларь положил, чтоб вручить, ведь важное, наверно, письмо. Кто бы стал тебе по пустякам письма слать в такое время?

– Мне? Письмо? – удивился Влад.

– Тебе, господин, – кивнул Калчо. – Тебе.

– Как это возможно? – продолжал недоумевать Влад. – Я только прибыл. Ещё никто не знает, что я здесь.

– Хоть и не знают, но догадываются, – ответил Калчо. –

Это письмо привёз гонец из Брашова. Просил передать в собственные твои руки, если появишься.

Брашов был одним из семи немецких городов Трансильвании – больших богатых городов, каждый из которых подчинял себе не только территорию внутри своих стен, но и округу. Такие города, как небольшие государства, вели свою политику, хоть и считались – наряду со всей с Трансильванией – частью Венгерского королевства.

– А что же гонец сам мне не передал? – насторожился Влад и даже подался вперёд на троне.

– Турков испугался, – пояснил Калчо, – вот и уехал прежде времени. Он всё печалился, что придётся ему остаться и тебя дожидаться, а я сказал, что передам. Ну, он обрадовался и поспешил восвояси.

– И где же письмо? – спросил Влад, снова откинувшись на спинку трона и напуская на себя безразличный вид.

Калчо ещё ничего не успел ответить, а Войко, всё это время стоявший рядом с писарем, проворно сунул правую руку в левый рукав своего кафтана и вынул оттуда лист, сложенный в несколько раз и запечатанный печатью красного воска:

– Оно у меня, господин.

Серб с поклоном подал своему хозяину письмо, после чего Влад взломал печать, развернул бумагу и досадливо поморщился:

– Латынь. Я плохо её понимаю.

Влад уехал в Турцию в пятнадцать лет и потому не успел

выучить этот язык. Детям румынских государей начинали преподавать латынь после семнадцати, потому что так делалось во дворце константинопольского правителя, где была устроена школа под названием Золотая палата. В Тырговиште учили по образцу той школы. Когда же стало ясно, что Влад должен отправиться в Турцию и не сможет как следует доучиться, ему наспех преподали азы латыни, но за четыре года он почти всё забыл.

Сейчас в голове у Влада сидели одни лишь турецкие фразы, поэтому латинские строчки, написанные быстрым, размашистым почерком, виделись ему ничего не значащим сплетением закорючек.

Калчо аккуратно потянулся и взялся двумя пальцами за край письма, которое, казалось, вот-вот выпадет из левой руки раздосадованного юнца, сидящего на троне.

– Я могу прочесть, – сказал писарь.

– Ты? – Влад глянул на него испытующе. – А может, ты сам и сочинил это письмо, и запечатал? Может, не было гонца из Брашова? А?

– Гонец был, – ответил Калчо, но руку от письма убрал.

– И когда же он приезжал?

– Позавчера.

– А семейство Владислава к тому времени уже уехало?

– Да.

– Странно. – Влад покачал головой. – Шлют гонца в пустой дворец, где письмо даже принять некому. Никто ведь

не знал, что ты тут окажешься.

– Вот я и говорю, господин, что гонцу было велено тебя дожидаться, – повторил Калчо свои недавние слова.

– Странно. – Влад снова покачал головой. – Что же это за письмо такое важное, которое мне необходимо получить сразу же по приезде?

– Я могу прочесть, – повторил писарь.

– Ладно, читай, – неохотно согласился девятнадцатилетний юнец, ведь делать было нечего. Калчо оказался единственным на всю округу, кто мог прочитать и понять это послание.

Влад повелел своим слугам, чтобы перестали держать того под локти, и с высоты трона протянул писарю документ.

– Так-так... – пробормотал Калчо, уткнувшись в бумагу и пробегая её глазами.

– Что же там написано?

– Тебе пишет Николае из Визакны, господин. Он приглашает тебя приехать в Брашов.

– Николае из Визакны? – Влад пожал плечами. – Я такого не знаю. И зачем мне ехать? Я ведь почти государь! Почему должен ехать я? Это ко мне должны ехать люди из Брашова, а не я к ним. Если я сам к ним поеду, это умаление моей чести. Разве не так? Они смеются надо мной? – это было произнесено уже с тенью гнева, поэтому писарь согнулся в поклоне так, что не стало видно лица:

– Нет, господин. Письмо – вовсе не насмешка.

Влад помолчал немного и спросил:

– А сам этот Николае объясняет, зачем приглашает меня в Брашов?

– Да, – с готовностью ответил Калчо, чуть приподымая голову. – В письме сказано, что тебя приглашают в Брашов, пока там не появился господин Янку из Гуниада...

Писарь называл этого венгра на румынский лад, но Влад сразу понял, о ком речь:

– Янош?! – Он вскочил с трона, позабыв все отцовские уроки о спокойствии. – Выходит, Янош жив? Не погиб в Косове? И в Брашове это знают!

– Выходит, да, – тихо проговорил писарь.

– И почему же мне следует приехать к брашовянам раньше, чем этот негодяй Янош?

– Потому что брашовяне хотят заключить с тобой союз, ведь ты теперь новый государь вместо Владислава, а Янош может помешать этому союзу.

– Странно, – в который раз повторил Влад и сел обратно на трон. – С чего это брашовяне так ко мне добры? Они ведь меня не знают. Вот отца моего они знали, но он всё время с ними ругался. Так почему они так обо мне заботятся? Уж точно не в память о нём.

Калчо молчал.

– А может, они думают, – продолжал рассуждать Влад, – что если заключат со мной союз, то турецкая армия, которую я привёл с собой, не пойдёт грабить брашовские земли? Мо-

жет, именно грабежей опасаются брашовяне? А Яношу всё равно, что турки станут заниматься грабежами. Ему важно, чтобы брашовяне оставались в союзе с Владиславом, потому что Владислав – ставленник Яноша.

Писарь молчал.

– Ехать или нет? – спросил Влад, обращаясь к Войко. – Как думаешь?

Серб пожал плечами:

– Прости, господин, но я ничего не смыслю в этих делах и потому не могу давать советы.

– Что бы я ни решил, надо сочинить им ответ, – задумчиво проговорил Влад и посмотрел на писаря. – Распрямись, Калчо. Хватит прятать от меня глаза. Я хочу спросить тебя и при этом видеть твоё лицо. Пойдёшь ли ты ко мне на службу? Мой отец не успел прибавить тебе жалованье, а я прибавлю. Пойдёшь? Грамотный писарь, который ещё и латынь знает, мне нужен.

Калчо как-то странно посмотрел на девятнадцатилетнего юнца, сидящего на троне, и тяжело вздохнул:

– Послужить-то я тебе послужу, господин. Послужу охотно. В память о твоём покойном родителе, хоть он и не прибавил мне жалованья. Послужу, сколько бы ни продлилась эта служба.

– Про что ты сейчас говоришь? – насторожился Влад, но прежнего недоверия к писарю уже не чувствовал. – Ты намекаешь на то, что сидеть на троне я буду недолго? Почему?

Калчо снова вздохнул и опять склонился так низко, что не стало видно лица:

– Прости меня, господин. Вначале я сказал тебе неправду. Но теперь скажу всё как есть.

– Про что?

– Тот гонец, который привёз тебе письмо из Брашова, и тот гонец, который привёз сюда послание для супруги Владислава, – это один и тот же человек. Однако гонец просил меня не говорить тебе этого. А уехал он не потому, что испугался турков. Он уехал, потому что испугался тебя. Испугался, что ты как-нибудь узнаешь, что он служит Владиславу и что возит его письма. Ведь если бы ты узнал, то казнил бы этого посланца.

– Почему казнил бы? – не понял Влад, но тут же сам начал рассуждать: – Если оба письма доставил один гонец, значит, Владислав знает о том, что написано в письме для меня, и не возражает против этого. Если б возражал, брашовянам пришлось бы слать другого гонца. А гонец один и тот же. Значит, Владиславу зачем-то нужно, чтобы я приехал в Брашов. Зачем? – этот вопрос был направлен писарю.

Калчо повернул голову чуть боком, посмотрел на Влада исподлобья одним глазом, будто боялся посмотреть обоими, и сказал:

– Я, конечно, простой писарь, а не государственный муж, но за свою жизнь много наслушался на советах, поэтому есть у меня соображения. И вот думаю я, что отправители

сего письма замыслили хитрость. Они хотят, чтобы ты, господин, поехал в Брашов и тем самым остался без турецких воинов, которые защищают тебя, пока ты в Тырговиште. Не езди, господин. Ты ещё так молод. Будет жаль, если...

– Что «если»?

– Если тебя в Брашове схватят, а затем убьют. Ты приедешь, и окажется, что там Янку тебя уже дожидается, чтобы отрубить тебе голову, как уже отрубил твоему родителю.

– Так значит, гонец хотел заманить меня в ловушку?! – Влад опять вскочил с трона.

– Вот потому гонец и уехал, – начал кивать писарь. – Испугался, что его уличат. Он уже испугался, когда узнал, что я тут останусь. Видать, забеспокоился, что я скажу тебе лишнего. Я уже заподозрил неладное, когда он супруге Владислава письмо передал, а с ней не уехал. Все уехали, а он ходит тут один по двору. Я сначала подумал: «Может, стащить чего хочет, так ведь ничего ценного во дворце и не отыщет». Спрашиваю осторожненько: «Чего это ты, господин, тут забыл?»

– А он?

– А он мне в ответ: «А ты чего тут делаешь?» Я отвечаю, что при канцелярии состою и никуда из дворца не денусь, пусть хоть светопреставление начнётся. Гонец оторопел и странно так смотрит на меня. Я удивился. А когда гонец поведал мне, что имеет к тебе поручение, тут я подумал грешным делом, не убьёт ли он меня, чтоб я не проболтался,

что тот и для Владислава письма возит. Но, слава Богу, не такой этот гонец оказался человек. Не способный оказался на убийство. Он только взял с меня слово, что я передам тебе письмо и не стану говорить, что он Владиславу служит.

Влад стоял, поражённый услышанным, и смотрел куда-то перед собой невидящим взглядом. Так, наверное, чувствует себя человек, который давно не был дома, приезжает, открывает дверь, надеясь найти если не радушный приём, то хотя бы покой и тишину, а вместо этого видит, что в комнате устроили себе гнездо злющие осы. Человек стоит и даже не думает о том, что надо окурить это гнездо дымом, а затем взять длинную палку, сбить гнездо на пол, выкатить вон и поджечь. Нет, он замирает на пороге и не может понять: «Как так? Неужели я даже в собственном доме должен ждать опасностей?»

Наконец Влад немного пришёл в себя, спустился по ступенькам с трона, взял писаря за плечи, заставил приподняться, посмотрел ему в лицо и сказал:

– Это ничего, что ты сказал неправду вначале. Я вижу, что ты – честный человек. Может, ты один и остался честным в этом дворце. Неспроста, наверное, здесь нет ни одного слуги. Наверное, все убежали вместе с Владиславом, потому что все тоже испугались моего гнева, как тот гонец. Вот, к примеру, Нан. Где он сейчас?

– Нан? – переспросил писарь. – Тот, что был одним из самых доверенных советников твоего родителя?

– Да. Где сейчас Нан?

– Он умер, господин. – Калчо вздохнул. – Вскоре после твоего отца умер.

* * *

На улицах Тырговиште опять не оказалось ни души, хотя Влад и старался показать жителям, что настроен мирно: он уже снял доспехи, оставив только меч, и ехал без турецкой охраны.

Нового хозяина дворца сопровождал лишь Войко, а направлялись они к дому Нана – вернее, к тому месту, где этот дом раньше стоял. Калчо сказал, что теперь там почти одни головешки, ведь пожар случился сильный. Остались лишь стены первого этажа, потому что они были сложены из камня, а больше ничего не осталось.

Писарь также сказал, что люди, тушившие пожар, долго рылись на пепелище прежде, чем им удалось найти обгорелые кости. Чьи кости нашлись – лишь Бог знает. В доме было много людей: сам Нан, его жена, сын, дочь, а ещё – трое слуг. Ещё четверо челядинцев избежали смерти, потому что спали в другой части дома. Прежде чем огонь до них добрался, успели вылезти на улицу через окно.

Станный это был пожар. Четверо спасшихся после рассказывали, что хотели хозяйскую семью выручить, но хозяев не нашли. Обыскивали все комнаты, кроме одной, дверь в которую была намертво закрыта. Спасшиеся говорили, что

бились-бились в неё, пока не увидели, что из-под порога коричневый дым течёт, к потолку поднимается, глаза ест – значит, за дверью уже всё было в огне.

А ещё они хотели открыть ворота, чтобы впустить с улицы народ с вёдрами, но ворота никак не открывались. Засов не двигался, будто снизу намазан чем-то липким. Хотели топором засов рубить, а топор пропал. Пока народ снаружи ворота бревном протаранил, в доме уж всё полыхало.

Неспешно проезжая по улице, Влад вспоминал эти пояснения писаря, которые сами были повторением чьих-то слов. «Всё слухи, – думал юнец. – Найти бы тех четверых челядинцев и расспросить. Но где их теперь найдёшь?»

Дом боярина Нана был виден издалека, и казалось, это место невозможно спутать с другим. Чёрный провал вместо крыши. Рядом – чёрные обугленные ветви садовых деревьев.

Когда-то это строение походило на крепость. Не в пример большинству жилищ в Тырговиште, жилище Нана окружал не дощатый забор, а высокая стена, которая срасталась со стенами самого дома. Когда-то белая, теперь она выглядела серой, вся в трещинах, а местами слой штукатурки и вовсе отвалился, обнажая кирпичи.

Влад спешил к воротам, в которых теперь появились широкие щели, потому что доски наполовину сгорели. Сквозь щели виднелся двор, заросший бурьяном и кустарником. Войко со всей силы налёг на правую воротину, чтобы она чуть приоткрылась внутрь и господин мог пройти.

Даже сейчас в этом дворе ощущался лёгкий запах гари, или Владу это только казалось. Под ногами при каждом шаге что-то ломалось и похрустывало – головешки или кирпичное крошево.

Вот заросший травой холмик, который некогда был крыльцом со ступеньками. Возле холмика прямоугольная дыра в стене – дверь. В комнатах все стены стали чёрными от копоти, и тоже везде разросся бурьян и кустарник.

Внутри дома кто-то протоптал еле заметную дорожку. Влад огляделся: «Неужели здесь ещё кто-то может жить?»

В кустах раздался шорох. Из листвы бурьяна выглянули две рыжие морды бродячих псов. Войко, увидев их, поднял с земли камень, но морды исчезли раньше, чем камень про-свистел в воздухе.

– Прочь отсюда! – на всякий случай крикнул слуга.

Влад ещё раз огляделся.

– А знаешь, Войко, – сказал он, – ведь я этого Нана не очень жаловал, хоть и должен был с ним породниться. А теперь... вот если бы сейчас оказалось, что он не умер, я бы обнял его, как отца.

– А за что же ты его не жаловал, господин? – спросил Войко не столько из интереса, сколько из-за того, что понял: юному хозяину требовалось выговориться.

– За что не жаловал? Да... – Влад махнул рукой, – если подумать, из-за пустяка. Дело давнее. Пять лет назад это случилось. Отец тогда вынужден был гостить у султана, на ру-

мынском троне сидел проходимец вроде Владислава, но другой, а я с братьями и с мачехой прятался в дальнем имении у Нана. Мне там показалось скучно. И я сбежал. И пропадал недели три. А когда вернулся, Нан велел меня запереть в пустом амбаре и держал там долго. А после сказал, что если бы был мне отцом, то высек бы меня.

Влад внимательно посмотрел на Войко, пытаюсь угадать, как серб оценит этот рассказ – посчитает ли, что Нан тогда позволил себе лишнего, или не посчитает. Войко при слове «высек» только чуть поднял брови от удивления, потому что знал, что княжеских сыновей можно сечь, только если на то будет воля их отца, а иначе даже мысль о таком деле является дерзостью, и всё же слуга не оказался возмущён.

– Нан был по-своему прав, – продолжал Влад, – ведь из-за меня такой переполох случился. Все боялись, что я попался людям того проходимца, который сидел на троне. Если бы я вправду попался, моему отцу было бы куда сложнее вернуть себе власть. Вот все и испугались. И Нан, наверное, тоже испугался. Но я тогда сильно обиделся на него. Думал, он себя выше меня ставит.

– А на самом деле?

– А на самом деле он просто хотел поучить меня уму-разуму, чтобы я не стал позором для своего отца. Мне ведь тогда четырнадцать было. Я только и думал о том, что передо мной весь мир открыт. Всё хотелось изведать, всё попробовать. Наверное, мой старший брат должен был за мной при-

глядывать, но он и сам тогда ещё из отрочества не вышел. Вот Нан и решил посадить меня в амбар, а после сделал внушение.

– Значит, из амбара выпустил?

– Конечно. И всё же велел своим слугам приглядывать за мной, чтобы я снова не сбежал. А тем временем мой отец выпросил у султана войско и вернул власть, а после с Наном уговорился, что я женюсь на дочери Нана. А я жениться не хотел. И про невесту знать ничего не хотел. А теперь мне жалко. Мне бы хоть узнать, красивая она была или не очень. Я ведь даже лица её не помню. Значит, забуду скоро, а я не хочу забывать. Всё-таки хоть мы с Наном и не успели породниться, а его семья – это и моя семья была тоже. И этот дом – мой дом.

Слуга слушал внимательно и не перебивал.

– Посмотри, – сказал Влад, широким жестом показывая вокруг. – Вот ведь как получилось. Приехал я домой, и что же нашёл? Вот что. Один мой дом разорён, а другой сожжён дотла. Отец, когда сосватал мне Нанову дочь, говорил, что этот дом станет для меня кровом в том случае, если во дворце опять поселится некий проходимец. Отец говорил, что в этом доме меня всегда радушно примут. И вот я приехал, и нет мне радушного приёма ни там, ни здесь.

Влад говорил уже не столько для Войко, сколько для себя. Девятнадцатилетний юнец будто размышлял вслух:

– Пока мы не добрались до Тырговиште, я всё гадал, стал

ли Нан предателем или не стал. Выходит, что нет. Ведь его убили подло – дом подожгли. Если б он что-нибудь дурное совершил и за это поплатился, то умер бы по-другому. Когда правые люди неправому мстят, они не так мстят – домов не поджигают. Они выбирают открытое место и нападают с оружием при свете дня, чтобы все видели, что это Божий суд. А Нана убили подло. Значит, он за правду пострадал.

Влад замолчал, но продолжал размышлять, как же могло случиться, что во время пожара Нан с семьёй куда-то делись, а вернее, собрались все в одной комнате, дверь в которую оказалась наглухо заперта. Почему сам Нан, жена, сын, дочь или кто-то из троих челядинцев не открыли на стук? Не смогли, потому что к тому времени были крепко связаны или мертвы?

«Поджигатель не мог действовать один», – размышлял Влад. Слишком много всего следовало сделать – затащить всех хозяев и ближних слуг в одну комнату, запереть дверь, поджечь дом и сделать всё, чтобы затруднить тушение. А ещё этим поджигателям следовало убить сторожевых собак, чтоб не мешали и не шумели, и это, наверное, оказалось самым сложным – убить собак без шума.

«А может, не было никого постороннего? Может, те четверо челядинцев, которые чудом спаслись, сами всё учинили, а затем дом подожгли, выбрались и начали рассказывать, будто ничего не знают. Их бы отправить к пыточным дел мастеру да расспросить хорошенько!» – думал Влад.

Конечно, казалось удивительным, что четверо человек, долго и верно служивших своему господину, вдруг решились его убить. «А неудивительно, что слуги моего отца, верно служившие ему, вдруг взяли и сделали то же самое?» – с ожесточением твердил себе девятнадцатилетний юнец. «Пусть бояре избрали другой способ убийства, но действовали похоже, – повторял он. – Ведь они не только на самого господина подняли руку, но и на семью. Брата моего не пощадили. А если бояре смогли, то отчего же простые люди не могут?»

Сложно теперь было докопаться до правды. Прошло уже почти два года. Почти два года с тех пор, как погиб отец Влада. Почти два года с тех пор, как старший брат оказался погребён заживо. Почти два года с тех пор, как сгорел Нан с семьёй. Почти два года с тех пор, как во дворец султана доставили весть, что на румынском троне теперь сидит Владислав, венгерский ставленник, смело перешагнувший через множество смертей. Два года Влад жил мыслью о том, что вернётся в Тырговиште, всё выяснит и отомстит. И эти два года пролетели, как один день.

* * *

Когда Влад вместе с Войко вернулся во дворец, то увидел, что остальные его слуги, подаренные султаном, уже доставили сюда обе телеги с походным добром и готовятся обжиться.

– Господин, – с поклоном произнёс один из слуг, – не при-

кажешь ли запереть ворота? А то заходят сюда чужие люди, не поймешь, откуда взявшиеся.

– И кто же заходил? – рассеянно спросил Влад.

– А вот. – Слуга указал на некоего парнишку, стоявшего возле крыльца. Рядом с парнишкой на ступеньках лежал огромный узел – что-то завёрнутое в серую холстину.

Заметив Влада, парнишка встрепнулся, сгрёб узел в охапку – значит, не очень тяжела была ноша, хоть и велика, – а затем бодрым шагом направился к новому хозяину дворца. Приблизившись на расстояние семи шагов, паренёк бережно опустил ношу на землю и поклонился.

– Доброго дня, господин, – произнёс он и тут же попросил: – Возьми меня на службу. Я много чего могу делать – комнаты убирать, печи топить. Стряпать не умею, но знаю, как правильно подавать блюда на государев стол. Да и весь распорядок дворцовый знаю: в котором часу государю вставать положено и в котором – спать ложиться. И знаю, что все слуги в такое время должны делать – что отнести, что принести государю, чтоб он сам не утруждал себя распоряжениями. Человек вроде меня тебе пригодится.

– Пригодится? – Влад покачал головой. – У меня достаточно слуг. И они знают мои нужды лучше тебя.

Паренёк смутился на мгновение, но сразу нашёлся:

– Вот и Владислав мне то же сказал, когда я к нему просился в услужение. Достаточно у него, говорит, слуг. И я, раз такое дело, отступился.

На лице Влада не отразилось никакого отклика на эти слова, но соискатель дворцовой должности смело повторил:

– Я отступился и теперь к нему на службу не пойду, даже если сам звать станет.

– А мне ты это зачем говоришь? Угодить хочешь? – спросил Влад.

– Может, и угожу, – хитро сощурился паренёк. – Ты глянь, господин, что у меня в узле.

– И что же?

– Я сначала думал, не продать ли, – последовал уклончивый ответ, – но совестно мне стало такие вещи продавать.

– Отчего же совестно?

– Да оттого, что принадлежали они твоему родителю, господин. А я у него служил и за сохранность тех самых вещей отвечал.

– Служил? Я тебя не помню, – строго произнёс Влад. – А слуг своего отца я помню хорошо.

– Так я к нему на службу пришёл уже после того, как ты, господин, отправился к султанскому двору, – признался паренёк. – Послужить я успел недолго. Всего полгода прошло, а затем появился Владислав.

– И ты ему тоже думал послужить? – зло спросил Влад. – А ведь наверняка знал, что смерть моего отца и смерть моего старшего брата совершились не без его участия.

– Да откуда ж я мог знать? – Соискатель дворцовой должности сделал особое ударение на последнем слове. – После

смерти государей всегда слухи ходят. Меня старый Митру учил не всякому слуху верить. Я и не верил.

При упоминании имени Митру в голове у Влада возник образ седоусого старика, который прислуживал в личных отцовских покоях. Старик следил за чистотой и подкладывал дрова в печки, если дворцовый истопник не успевал этого делать. Бывало, что Митру прислуживал и за трапезой, но не на пиршествах, а тогда, когда отец обедал и ужинал у себя. «Может, не врёт? – подумал Влад. – Может, этого паренька и впрямь назначили старику в помощники?»

– Я и не верил, – меж тем продолжал паренёк, – но когда самого Владислава воочию увидел, а затем оказалось, что старый Митру при нём тоже служить не будет, потому что неугоден, вот тогда я и призадумался.

– И что же надумал?

– А то, что не нравится мне Владислав, раз слуги прежнего государя ему не угодны. Что бы он там ни сделал, а мне он не нравится. И решил я, что не должен он владеть вещами твоего отца. Тогда я, пока ещё из дворца не выгнали, собрал, что мог, ну и вынес потихоньку. Уж мне было известно, как пройти так, чтоб меня не...

– Так, значит, там, в узле, – вещи моего отца? – перебил его Влад.

– Да, – кивнул паренёк. – Вот я и решил отнести это тебе. А если тебе не надо, тогда...

Договорить он не успел, потому что новый хозяин дворца

спрыгнул с коня:

– А ну-ка покажи, что принёс.

Войко тоже спешил и, вынужденно бросив коней стоять без присмотра, побежал вперёд господина, оттеснил паренька в сторону и поставил узел на угол одной из телег. Негоже ведь господину к самой земле нагибаться.

Влад не помнил, как развязал туго стянутые концы холстины, но вот они разошлись, и глазам предстали однотонные и узорчатые ткани государевых кафтанов, лежавших один на другом. Наверное, отец и впрямь носил их, но вспомнить где и когда не получалось. Когда Влад вспоминал родителя, то ясно видел перед собой только лицо, а остальное – как в тумане. Сквозь этот туман трудно различался даже цвет одежд, хотя... Сын, перебирая разноцветные кафтаны, вдруг увидел ярко-красный рукав и вспомнил, что этот цвет всегда был отцу приятен. Несомненно!

Влад, взявшись за рукав, вытянул красное одеяние из стопки. Затем, ни слова не говоря, снял пояс с мечом и передал Войко, после чего скинул с себя турецкий кафтан, непременно упавший бы на землю, если б не подоспел один из слуг.

Вместо турецкого одеяния Влад надел отцовскую вещь. Прислушался к себе и только тогда подумал, что одежда могла оказаться пропитанной ядом. Девятнадцатилетнему юнцу приходилось слышать истории о подобных отравлениях. Вряд ли таким способом мог быть отравлен отец, но даже

если родителя отравили не через одежду, а через пищу или питьё, то в этот раз, чтобы разделаться с сыном, могли поступить иначе...

К счастью, обошлось. Одежда не жгла кожу, как обычно бывает, если она вымочена в отраве, и даже почесаться не хотелось. Значит, верными оказались отцовские слова, слышанные когда-то: «Человеку, который прав, бояться нечего».

– Рукава чуть длинноваты, а так впору, – заметил Войко, подворачивая господину рукава, имевшие такую же красную подкладку.

Влад снова препоясался мечом и спросил паренька:

– Как тебя зовут?

– Нае, – ответил тот.

– Хорошо. Беру тебя на службу, – объявил Влад и сделал знак Войко преклонить ухо.

Серб склонился.

– Приглядывай за этим новым слугой, – тихо сказал Влад, хоть и не сомневался, что Нае достаточно сообразителен, а потому догадается о смысле приказа.

Нае, будто в подтверждение, произнёс с поклоном:

– Благодарю тебя, господин. Ты не беспокойся. Я стану служить честно. Старый Митру учил меня, что за всяким слугой, даже если за ним никто не следит, всё равно пригляд есть, ведь Бог за нами за всеми следит и все наши дела записываются в небесные книги. Я эту науку помню, поэтому буду верен и старателен.

Вдруг у Влада появилась одна мысль. «Записываются, – про себя повторил он. – Записываются. А ведь не только в небесной канцелярии записываются все наши дела, но и на земле в канцеляриях запись ведётся».

Девятнадцатилетний хозяин дворца, теперь уже в отцовском кафтане, взошёл на крыльцо и быстрым шагом направился в канцелярию. Калчо был там и прибирал вещи, разбросанные Челиком и другими турецкими воинами.

Увидев своего юного господина, писарь остолбенел.

– Что? Опять не по нраву тебе моя одежда? – с лёгкой улыбкой спросил Влад.

– Будто родитель твой с того света вернулся, – пролепетал старый болгарин. – Только усы бы тебе, и ты был бы совсем как...

– Покажи мне грамоты Владислава, которые составлялись на советах, – перебил его Влад. – Все, что есть, покажи.

Если государь издаёт приказы, одаривает верных слуг новыми именьями или пишет письмо в сопредельные страны, то в княжеской канцелярии непременно должна остаться копия приказа, дарственной или письма, потому что ни один государь не в силах помнить свои дела во всех подробностях.

В то же время для канцелярии считалось редким случаем, чтобы копию делали нарочно. Иногда, конечно, снисходило на некоего писаря вдохновение, и он составлял документ сразу набело, без единой помарки, чтобы показать своё искусство. А так копиями служили черновые записи – те, что

с зачёркнутыми строчками, приписками на полях, кляксами. Смысл ведь в этих записях оставался тот же, а красота была не важна. Она создавалась только напоказ – для тех документов, что расходились из дворца во все стороны.

Такие документы, выпущенные в мир, уподоблялись птицам, выпущенным из клетки, – ищи и не найдёшь, а вот исчищенные и замазанные бумаги и пергаменты оставались в канцелярии, причём за два года, пока Владислав пребывал у власти, разных его грамот, составленных на совете, появилось достаточно, и черновики накопились много.

– А для чего тебе, господин, эти грамоты? – спросил Калчо, открывая сундуки и стопками выкладывая требуемое на столы.

– Хочу узнать, кто из отцовских слуг оказался предателем, а кто остался верен до последнего часа, – ответил Влад. – И раз уж нет у меня живых свидетелей, я призову в свидетели пергамент. Письмена всегда правду говорят, ведь нет у них ни страха, ни корысти.

Девятнадцатилетний юнец уселся за стол, пододвинул к себе стопку черновики и принялся читать. Скользя взглядом по очередному листу, он обращал внимание только на самые последние строчки, где указывались имена бояр, присутствовавших вместе с Владиславом на совете в тот день, когда составлялся текст.

Влад хотел найти в этих строках знакомые имена – имена отцовых бояр. Вернее, хотел бы не найти ни одного знако-

мого имени, но знал, что непременно найдёт.

В отличие от писем в сопредельные страны, частенько сочинявшихся на латыни, грамоты составлялись на славянском языке, и этим языком новый хозяин дворца владел отлично. Никакой помощи в разборе символов, нацарапанных чёрными чернилами на пожелтевших пергаментях, Владу не требовалось.

Ему был знаком и сам порядок составления грамот. Список бояр начинался словами «се же свидетели» – дескать, вот кто наблюдал за составлением документа. Сами же бояре, упомянутые в списке, назывались словом «жупаны», и, чтобы называться так, то есть попасть в княжеский совет, они порой шли на многое.

– Се же свидетели: жупан Мане Удрище, брат его Стоян, – прочитал Влад и задумался. Он помнил Мане Удрище и Стояна – невысокого роста неприметные бояре с короткими чёрными бородами.

Когда на троне сидел отец Влада, эти люди упоминались в грамотах последними, а теперь оказались упомянуты первыми. Значит, теперь они в совете стали наиглавнейшими, не считая самого князя. «Что же они такого сделали для Владислава, что он настолько возвысил их? Неужели это они – главные заговорщики? Вот двуличные души! Псы паршивые!» – думал девятнадцатилетний Влад.

Именно при его отце боярин Мане Удрище и боярин Стоян впервые стали заседать в совете, то есть именно Владов

отец дал им в руки власть, но, как видно, им захотелось получить больше, и тогда они... Влад не стал дальше распалять в себе гнев и продолжил чтение.

Следующим в списке стоял жупан Тудор, и как только глаза наткнулись на это имя, перед мысленным взором возник крупный человек с тёмно-русой бородой, с годами становившийся всё крупнее, а борода его – всё шире. В своё время Тудор первый поступил на службу к отцу Влада. Это случилось, когда отец, изгнанник, вынужденный жить в Трансильвании, в Шегешваре, ещё только претендовал на престол. Самому Владу тогда едва исполнилось шесть, но он помнил, как впервые увидел в родительском доме, в столовой, странного незнакомца с заросшим щетиной подбородком. Да, тогда этот Тудор ещё не был бородат, и маленькому Владу запомнился именно подбородок, а ещё – большие запылённые сапоги из толстой кожи.

– Называй меня дядей, – сказал Тудор сыну своего господина.

Казалось, что этот жупан никогда не станет предателем, ведь именно Владов отец возвысил его, подарил ему обширные имения. До этого Тудор был почти нищ, а благодаря милостям стал богат, да и в совете занял одно из первых мест. «И вот теперь он тоже в милости у Владислава! Гнусный человек!» – мысленно воскликнул Влад.

Следующим в списке оказался жупан Станчул, но это совсем не могло никого удивить. Мане Удрище с братом Стоя-

ном и Тудор попали в княжеский совет лишь при отце Влада, поэтому их отступничество казалось чёрной неблагодарностью, но вот со Станчулом дело обстояло иначе. Он заседал в совете с незапамятных времён и успел состариться, заседаючи. Он пережил четырёх правителей и теперь служил Владиславу – пятому! «Пятого он и на шестого сменит, если случай представится», – ехидно подумал девятнадцатилетний юнец.

Ничуть не удивило и появление жупана Юрчула в списке предателей. Он, будучи родным братом Станчула, переходил от государя к государю точно так же! Очевидно, у этих братьев предательство уже вошло в привычку, заставляя предавать снова и снова! «Выродки! Оба выродки!» – сказал себе Влад.

«А вот жупан Димитр», – отметил он в очередной грамоте. При Владовом отце этот человек служил начальником конницы. При Владиславе свою должность сохранил. И, конечно, для этого постарался! Такое не могло произойти просто так!

Обращало на себя внимание и имя Михаила, который хоть и не являлся боярином, но занимал при дворе важную должность – начальника канцелярии. «Уж не тот ли это Михаил, который при моём отце имел должность простого писаря?» – подумал Влад, но всё же засомневался, поэтому решил спросить у Калчо, а старый болгарин, как оказалось, уже выложил на столы все документы и теперь стоял неподалёку, с любо-

пытством наблюдая за своим юным господином.

– Много ли поведали господину письма? – спросил Калчо, как только Влад встретился с ним взглядом.

– Достаточно, – ответил новый хозяин дворца. – Я вижу, что предателей было семеро.

– Семеро? – Калчо покачал головой. – Письмена назвали тебе только семерых, господин?

– Из тех, что служили моему отцу, а теперь служат Владиславу, я насчитал семерых, – сказал Влад, довольный своим расследованием и полагавший, что улов предателей получился крупным. – Вот ведь как любопытно получается. Государь сменился, а жупаны остались те же и по-прежнему заседают в совете. Некоторые даже возвысились. Например, Мане Удрище с братом. А ещё я вычитал, что начальником канцелярии сделался некий Михаил...

– Да, это тот самый, что служил у твоего отца писарем подобно мне, – подхватил Калчо.

– Ну вот. Значит, предателей семеро, потому что Михаил – как раз седьмой.

Писарь снова покачал головой:

– Увы, тебе известно не всё.

– А что ещё я должен узнать? – спросил Влад.

– Увы, бумага не всё может рассказать.

– В самом деле?

– Вот если бы ты, господин, расспросил меня самого, то узнал бы больше.

– Так, значит, ты – живой свидетель! – воскликнул Влад и стукнул себя по лбу. – Я и сам мог бы догадаться. А что ж ты меня не поправил, когда я сказал, что живых свидетелей у меня нет?

– Не посмел поправлять, господин.

– Так расскажи мне то, чего я не знаю!

Влад встал из-за стола и подошёл к писарю. Новый хозяин дворца старался говорить и смотреть милостиво, чтобы собеседник не боялся. Ведь если бы старый болгарин испугался, то принялся бы кланяться вместо того, чтобы рассказывать.

– Не все жупаны, что предали твоего отца, вошли в совет Владислава, – медленно и тихо произнёс Калчо, – но предатели не остались без награды. Те, кто не получил место в совете, получают землю.

– Получат? – переспросил Влад. – А почему до сих пор не получили? Почему Владислав ещё не выполнил обещание?

– Если бы он сделал это сразу, то стало бы ясно, за что получены новые имения, – пояснил Калчо. – Но не все жупаны захотели, чтобы об их предательстве знал целый свет. Некоторые предпочли сохранить своё предательство в тайне, но и от награды отказываться не желали, поэтому они с Владиславом договорились, что он подарит им землю в течение ближайших лет.

– И кто же эти хитрецы? – сощурился Влад. Он уже убедился, что в архивах всего не выразишь, но считал своё упу-

щение не очень значительным: «Сейчас добавится два-три имени».

Калчо вздохнул и будто нехотя начал перечислять:

– Землю получают жупан Радул, жупан Влексан, который Флорев сын, а ещё жупан Татул, жупан Шербан и жупан Баде.

Влад помнил их, но сейчас перед глазами прошли какие-то серые тени. Главным были не они сами, а их число. Пять это больше, чем два или три.

– Ещё пятеро? Вот сколько развелось людей с гнилым нутром. – Юнец перестал щуриться и вместо этого нахмурился. – Значит всего предателей двенадцать?

– Нет, их больше, – сказал писарь.

– погоди. Как это больше? – Влад подошёл к собеседнику совсем близко и глянул ему в лицо. – Помимо тех, что ты назвал, есть Мане Удрище и его брат Стоян. А ещё есть Тудор. Также есть Станчул и брат его Юрчул. Есть Димитр и, наконец, бывший писарь Михаил, который теперь начальник канцелярии.

– Ты позабыл ещё одного Мане, – слышался тихий ответ. – Этот Мане при твоём отце был главным распорядителем двора, а при Владиславе сделался начальником дворцовой конюшни.

– Значит, предателей тринадцать?

– Нет, ещё больше, – продолжал Калчо.

– Ещё?!

– Да. Ты, господин, не знаешь ещё одного жупана, кото-

рый зовётся Нягое. Он стал служить твоему отцу уже после того, как ты отправился жить ко двору султана. Однако Нягое тоже предал твоего отца и, как многие, предпочёл ему Владислава.

– Многие... – повторил Влад и после этого слова вдруг сник. – Итого четырнадцать.

– Да.

– Но четырнадцать – это слишком много.

Это только в сказках четырнадцать врагов – пустяк. В сказке враги гибнут так же легко, как и появляются. Когда по слову рассказчика главный герой взмахивает мечом, то головы негодяев и предателей тут же скатываются с плеч – скатываются легко, будто и не прикреплены к шеем. Рассказчик даже не успевает устать, повествуя, как всё случилось.

А вот попробуй расправиться с четырнадцатью, если это не тени, порождённые живым воображением, а люди из плоти и крови, большинство из которых ты знал на протяжении многих лет. Попробуй представить, как убиваешь их. Попробуй, если никогда никого не убивал и совсем не уверен, что у тебя хватит сил снести взмахом меча даже одну голову.

Ну а прежде попробуй представить, как все четырнадцать совершили злодейство, и это будет не похоже на сказку. В сказке все злодеи-заговорщики действуют, имея в головах одну общую мысль и весьма простую. А в жизни у каждого человека свои мысли и свой путь, сложный и извилистый. Попробуй представить все эти запутанные пути и понять, как

они могли привести разных людей к одному общему решению – к решению предать и убить.

Четырнадцать разных людей, а цель одна, причём задумали они то, на что даже в одиночку решаются немногие... Если вдуматься, такое совпадение покажется невероятнее самой удивительной сказки!

– Это слишком, – пробормотал юнец. – Значит, отца предали почти все его жупаны.

– Так уж вышло.

– Но как так может быть?! – Теперь Владу захотелось кричать. – Откуда вдруг столько? Двенадцать и то много, а их четырнадцать! Теперь я понимаю, почему ты не хотел быть свидетелем. Пусть лучше бы мне сказали всё письмена, верно? Но они не сказали. Поэтому ты решил исполнить свой долг? Значит, ты сам как пергамент – нет у тебя ни страха, ни корысти?

– Тебе видней, господин.

– Я хочу видеть, но я как будто слеп, – признался Влад. – Я смотрю на тебя, но не знаю, верить тебе или нет. Ты говоришь, что предателей четырнадцать. А как так могло выйти?!

– Так уж вышло, – повторил Калчо и поспешно добавил: – Но тебя должно утешить, что нашлись и такие жупаны, которые не предавали твоего родителя и умерли за него. Это жупан Нан, жупан Станчул Хонои, жупан Семён, жупан Радул Борчев и ещё Нан по прозвищу Паскал.

Боярин Нан сразу встал перед глазами, как живой, и по-смастривал с укоризной: «Ну вот. А ты меня не жаловал».

Станчул Хонои тоже вспомнился Владу сразу. Рыжий боярин с веснушчатым лицом. Возвысился при отце Влада и до конца остался благодарным своему князю за милости – не поменял его на другого. Не то что Тудор!

Раду Борчев, то есть Борчев сын, помнился Владу как человек с гордо вскинутой головой и большими чёрными полуседыми усами. Этот боярин был весьма богат, а его отец в своё время тоже заседал в княжеских советах. Радул Борчев часто говорил, что всегда служил и продолжит служить лишь одной княжеской семье. Он служил дяде Влада, звавшемуся Александром Алдя, а затем – отцу Влада, но вот Владиславу, происходившему из другой ветви румынского княжеского рода, служить не стал.

Нан Паскал тоже был человеком примечательным. Русоволосый боярин, над которым все добродушно посмеивались. Он ведь получил своё прозвище потому, что родился на Пасху, то есть в день, когда воскрес Христос. Вот все и говорили, что этому боярину можно давать самые опасные поручения – кто родился на Пасху, тот точно проживёт долгую жизнь, и удача станет сопутствовать ему во всём, а значит, ему ничего не страшно... Жаль, не оправдалось это поверье. Нан Паскал был ещё совсем не стар, когда умер.

Чтобы вспомнить боярина Семёна, Владу пришлось чуть-чуть призадуматься, но лишь чуть-чуть. Из серого тумана,

окутавшего прошлое, возник в меру дородный серобородый человек, который своей судьбой был подобен Станчулу. Всю жизнь тоже служил только одному князю – отцу Влада, причём всю жизнь занимал при нём одну и ту же должность – заведовал княжескими застольями. Невольно мелькнула мысль: «Наверное, те, кто отравил отца, первым делом хотели взять Семёна в сообщники, но он отказался. Однако если отказался, тогда почему сразу же не доложил обо всём своему господину?» Этот вопрос пока оставался без ответа, но как бы там ни было – Семён не предавал.

– Пятеро, – угрюмо произнёс Влад. – И их всех убили?

– Да. Нан сгорел, а остальных убили. Как убивали Станчула Хонои, Радул Борчева и Нана Пскала, я почти сам видел. Это прямо здесь, во дворце, случилось, в тронном зале, – сказал Калчо. – Твой отец и брат к тому времени уже умерли, а Владислав ещё не приехал в Тырговиште. Междувластие наступило, и вот собрались бояре на совет, чтобы решить, что дальше делать. Все собрались – и те, кто предал твоих родичей, и те, кто их поддерживал. И случилась ссора. Я там не присутствовал. Только слышал, как кто-то крикнул: «Ой, убили!» И все дворцовые слуги побежали туда, откуда был крик. Я пришёл тоже, но уже всё кончилось. Станчул Хонои, Радул Борчев и Нан Паскал лежали в крови на полу. А Димитр стоял над ними, и стража – рядом. Что случилось, точно не знаю. Стража была при мечях, но мечи, когда я пришёл, находились в ножнах, поэтому я ничего не знаю. К тому же

Мане Удрище, который стоял там среди других бояр, вдруг начал кричать, что трое убитых сами виноваты. Дескать, они сами первые стали кидаться на всех и хотели убить. Однако оружия при убитых я не видел.

– Почему же никто не обратил на это внимание? – удивился Влад.

– Все слушали, что кричал Мане, – ответил писарь. – К тому же в зале получился страшный беспорядок. Мебель была разбросана, ковры смяты. Возможно, люди подумали, что оружие затерялось в этом беспорядке.

– А Владислав, когда приехал, конечно, разбираться не стал? – со злой улыбкой спросил Влад.

– Вдовы убитых ходили к Владиславу с прошением, чтобы нашёл виновных и покарал, – сказал Калчо, – а Владислав ответил, что уже всё выяснил и что все бояре, которые присутствовали при убийстве, поклялись, что убитые сами во всём виноваты, раз нападали первые. Владислав сказал, что не будет наказывать тех, кто всего лишь защищал свою жизнь.

– А Семёна как убили? – Влад опять сделался угрюмым.

– Его убили раньше. Неподальёку от дворца. Там я совсем ничего не видел. Только слышал, что это случилось.

– Пятеро убитых, – повторил Влад. – Пятеро честных людей, которые отправились на тот свет, против четырнадцати здравствующих предателей. Пятеро отважных людей, а против них – четырнадцать подлецов и трусов. И те, кого ока-

залось больше, одержали верх. Простым большинством. Вот так дрянное обычно и побеждает. Побеждает потому, что злого в мире куда больше, чем доброго. В мерзости тонет всё доброе и чистое... Ты полагаешь, что это и впрямь утешительно, Калчо?

Писарь потупился.

– А вдруг ты всё-таки врёшь? – с подозрением глянул на него Влад. – Мой отец был добрым государем. С чего бы стольким людям предавать его? С чего?! Ради обещанных земель? Но ведь у бояр и так много земли. Они, может, и рады были бы получить ещё, но не такой же ценой!

– То, что не делается из жадности, делается из трусости, – сказал писарь. – Бояре испугались того войска, которое привёл с собой Янош, когда сажал Владислава на трон. Сказать по правде, бояре и так поддерживали бы Владислава, без всякого подкупа, но Владислав-то этого не знал и наобещал им многое, а они не стали отказываться.

Девятнадцатилетний юнец вдруг почувствовал, как правая рука сама собой сжимается в кулак. Но в чём был виноват писарь? Он говорил скромно. Не дерзил. Не швырял слова горькой правды прямо в лицо своему господину. Если б вздумал делать так, то непременно получил бы зуботычину.

Влад оглянулся, не зная, куда деть эту руку с кулаком, которая так и хотела ударить. Не найдя другого предмета, ткнул в стопку пергаментов. Они прогнулись под ударом без всякого сопротивления, поэтому Владу легче не стало. Чув-

ства всё равно просились наружу – теперь уже слезами, но Калчо не должен был этого видеть, и никто не должен, поэтому девятнадцатилетний хозяин дворца повернулся к двери и пошёл прочь.

* * *

«Почему предателей так много? Почему?» – спрашивал себя Влад, быстрым шагом идя по широкой дороге, ведущей через фруктовые сады к озеру, в котором разводили форель для княжеского стола. Девятнадцатилетний юнец торопился, будто собирался обогнать собственные мысли, хоть и понимал: они не могут выветриться из головы и остаться позади, даже если ещё немного прибавить шагу.

Возле озера дорога поворачивала и теперь вела вдоль берега, но Влад вдоль берега не пошёл, остановился у большой раскидистой ивы. Эти деревья, на первый взгляд бесполезные, росли вокруг всего озера, чтобы создавать тень для форели. Считалось, что так рыбе в жаркие летние дни будет прохладнее.

«Почему?» – в который раз спросил себя Влад и вдруг со всей силы впечатал кулак в толстый ствол дерева. После удара показалось, что кора у ивы такая же мягкая, как стопка пергаментов, ведь боли почти не чувствовалось. Вернее, эта боль казалась ничтожной по сравнению с тем, что Влад чувствовал внутри себя. Ему теперь предстояло ненавидеть скольких людей! И он хотел ненавидеть, но эта ненависть

не вмещалась в сердце, ей было тесно. Чувствовалась странная тянущая боль. Казалось, сердце сейчас разорвётся, а ведь раньше Влад думал, что подобные чувства – выдумка.

Два последних года Влад жил с чувством ненависти и жаждал мести, но готовился совсем к другому. Он думал, что убьёт Владислава... и Яноша убьёт, если сумеет до него добраться. А ещё Влад думал, что устроит казнь на главной площади Тырговиште, где будут посажены на кол несколько предателей. Несколько. Это, значит, человек пять-шесть. Может, семь-восемь. А теперь речь шла о четырнадцати, но Влад уже начал понимать, что и этим дело не кончится, ведь у четырнадцати бояр-предателей были слуги, которые помогали своим господам, то есть слуг тоже следовало казнить. Выходило, что число казнимых выросло до трёх десятков или даже до четырёх. А ещё у бояр имелись родственники – братья, сыновья, племянники, – которые тоже наверняка знали о готовящемся предательстве и позволили ему совершиться. Значит, всех молчаливых соучастников тоже следовало казнить, потому что им не понравится государь, который приговорит предателей к казни. Казнь послужит поводом для мести со стороны этих самых братьев, сыновей и племянников, то есть поводом для новых предательств.

Весь этот широкий круг людей уже сейчас вызывал у Влада ненависть, и этой ненависти было тесно в сердце, но в то же время было и мучительное чувство сомнения – сомнения в том, что поступаешь правильно.

Султан Мурат на Косовом поле зарубил четырех человек и даже глазом не моргнул. Теперь Влад знал, что сам должен будет поступать так – отправить на казнь четыре десятка человек и при этом не моргнуть глазом. Но ведь Влад ещё ни разу за всю жизнь никого не убил и даже не приказывал убить. Это в мыслях он уже расправился с Владиславом и с Яношем тысячу раз, но действительная расправа – совсем другое.

Влад поднял голову и посмотрел куда-то сквозь ветви ивы, где на пасмурном небе через облака пробивалось солнце. «Господь, – мысленно произнёс он, – Ты велишь мне любить врагов моих, прощать их семижды семьдесят раз. Но Ты видел, что сотворили предатели! Ты видел, скольких они убили и как убили! И за это тоже прощать?! Ты не велишь мстить, не велишь убить их, а велишь мне и дальше терпеть от них. Почему? Неужели в Твоей бесконечной доброте Ты любишь и врагов моих? И жалеешь их?»

Влад не мог больше смотреть на солнце и опустил взгляд: «Что же это получается? А как же справедливый суд? Где теперь справедливость? Ушла из этого мира? Значит, она ушла в ту минуту, когда Ты в лице Христа велел прощать до семижды семьдесят раз? Значит, справедливость я найду лишь на том свете, а на этом царствует беззаконие?! Так что ли, Господь?! О ком Ты больше заботаешься – обо мне или о моих врагах?!

В голове тут же отыскался готовый ответ, когда-то вло-

женный туда наставником-монахом, преподававшим сыну румынского государя Закон Божий. Теперь же государев сын лишь усмехнулся этому ответу: «Да, я помню-помню. Ты говорил устами царя Соломона – Ты наказываешь лишь тех, кого любишь, а у тех, от кого Ты отвернулся, жизнь легка и беззаботна».

Влад снова усмехнулся: «Только не верю я в это, Господь. Не верю я в это. Яви мне хоть малую часть той милости, которую Ты являешь святым и мученикам. Или я мало пострадал? Да уж, конечно, со святыми не сравнить. Но ведь Ты являешь свою милость и врагам моим. Не Ты ли Сам говорил, что в засуху изливаешь благодатный ливень на головы праведных и неправедных? Значит, если Ты являешь милость врагам моим, которые во много раз хуже меня, то почему не хочешь явить мне?! Почему Ты не хочешь сделать мою жизнь лёгкой?! А если не хочешь, так позволь мне самому позаботиться о себе, и я устрою всё по своему убогому разумению. Что молчишь?»

– Прости их, – слышалось из-за спины.

Оказалось, что за спиной стоял Войко. Значит, «прости их» только что произнёс он, однако Влад был не вполне уверен, что правильно понял:

– Кого «их»?

– Предателей, – с готовностью пояснил серб.

– Я что, разговаривал вслух?

– Нет, господин, но я догадался, о чём ты думаешь, – ска-

зал Войко.

– Ты подслушивал мой разговор с писарем?

– Нет. Но Калчо сам мне сказал, что тебя огорчили его слова и что ты отправился куда-то в эту сторону, а я отправился тебя искать, потому что не надо тебе, господин, ходить одному.

Влад не ответил и, не зная, на чём остановить взгляд, задумчиво посмотрел на озеро. Всё пространство было поделено на садки, в которых плавала рыба, выловленная в горных реках, привезённая сюда и выпущенная, чтобы дожидаться того часа, когда придётся отправиться на княжескую кухню. Рыба и сейчас жила в озере, только её никто не кормил уже несколько дней, и потому форель в ближнем садке, видя на берегу человеческие фигуры, устремлялась к ним, как к богам в ожидании манны небесной. Влад заметил это, потому что вода пошла волнами, а ведь в других частях озера оставалась спокойной.

Новый хозяин дворца опять глянул на Войко и спросил:

– У тебя есть хлеб?

Слуга порылся за пазухой и достал кусок пресной лепёшки, от которой господин стал отщипывать по несколько мелких кусочков, а затем швырять в озеро. Вода в садке как будто закипела, каждая из сотен рыб не находила себе места, страшно заволновалась, боясь упустить корм. Влад улыбнулся – яростное бурление воды и толкотня рыб, почти драка, вполне соответствовали его нынешнему настроению. Он на-

чал успокаиваться.

– Тебе лучше простить своих врагов, господин, – снова произнёс Войко.

– Простить? – Новый хозяин дворца покачал головой. – Тогда мои враги начнут думать, что им всё позволено.

– Бог велел прощать, – продолжал серб. – И тебе так будет лучше, господин. Ты приобретёшь верных слуг, потому что человек, которого простили, всегда чувствует себя обязанным.

– Он считает себя обязанным, только если у него есть совесть, – возразил Влад. – Здесь не тот случай.

– И что же ты хочешь делать? – забеспокоился Войко.

– Казнить.

– Всех?

– А также тех, кто находится с ними в кровном родстве. И всех слуг, которые помогали своим хозяевам творить зло. Это, наверное, полсотни человек или даже сотня, но я раз и навсегда истреблю это змеиное отродье. Раз и навсегда! – У Влада задрожали руки. Кусочки, которые он отрывал от лепёшки, стали неравными. Один чересчур большой, а другой – несколько крошек между пальцами. Пришлось глубоко вздохнуть, чтобы руки снова начали слушаться.

Войко забеспокоился ещё больше, чем прежде:

– Господин, ты задумал страшное дело. Если станешь говорить об этом, все решат, что ты безумен.

– Да, ты прав, – согласился Влад. – И потому найти по-

мощников будет трудно. А ты стал бы помогать?

– Господин, – серб опустил голову, – я должен тебе помогать, потому что я твой слуга, но сейчас ты хочешь вредить самому себе. Должен ли я помогать тебе в таком деле?

– Вредить самому себе? – не понял Влад.

– Ты собираешься поступить не по-христиански и знаешь это. Сейчас в тебе говорит обида.

– Обида? – Влад с силой швырнул в озеро остатки хлеба. – Во мне говорит неотомщенный дух моего отца! А ещё – неотомщенный дух моего брата!

– Господин, сперва подумай, к чему тебя это приведёт!

– Ты прав, – сказал господин, снова успокаиваясь, но думал при этом не о прощении. – Надо поразмыслить. Тут с наскака всё сделать не получится. Поразмыслить надо как следует.

* * *

Влад полагал, что в первую ночь во дворце, да ещё в бывших отцовых покоях, не сможет заснуть, однако заснул и даже видел сон, поначалу показавшийся вполне приятным.

Приснились колья посреди пустой немощёной площади. На колах застыли тела предателей, а Влад, кажется, сидел на коне и смотрел на казнь. Рядом с собой он видел Челика с отрядом и нескольких своих слуг. Толпы зевак не было. Люди боязливо выглядывали из окон ближайших домов, а на улице никто не показывался.

Влад нисколько не досадовал из-за этого: «Пусть прячутся, если хотят. Не нужны они мне». Он развернул коня и поехал прочь, испытывая чувство лёгкости и даже радость от только что свершившегося возмездия. Челик ехал рядом и просил позволения пошарить в домах казнённых – вдруг там найдётся что-нибудь ценное. Влад дал позволение, и Челик с отрядом исчез.

Через мгновение Влад уже въезжал на свой княжеский двор, но там оказалось так же пусто, как на улицах Тырговиште. Ни одного слуги не нашлось ни во дворе, ни в коридорах. Не оказалось и бояр в тронном зале. А ведь там должны были сидеть бояре! Не предатели, разумеется, а верные бояре, которые есть у всякого государя.

«Куда же они делись?» – подумал юный князь. Он прошёл дальше по коридору, заглянул в некую дверь и увидел незнакомую комнату.

«Ну, наконец-то, хоть одна живая душа», – улыбнулся Влад. В комнате он обнаружил девочку того особого возраста, когда видно, что уже не маленькая, но и взрослой не назовёшь.

Платье она надела почти взрослое, пошитое из тяжёлого тёмно-жёлтого бархата, но юбка опускалась не до пят, как положено девушке, а лишь до лодыжек, так что оставались видны башмачки, отделанные той же бархатной тканью.

Лицо девочки Влад не видел, потому что та покрыла голову белой кисеёй, словно невеста. «А ведь рано ещё в неве-

стах ходить — в двенадцать-то лет, — подумал Влад. — Ведь видно же, что ещё и тринадцати не исполнилось, хотя скоро должно».

Девочка вертелась перед небольшим зеркалом, висевшим на стене, — то правым боком встанет, то левым. Поправит кисею ручкой, унизанной колечками, и опять вертится, довольная собой.

Влад хотел спросить: «Кто ты?» — но не успел, потому что девочка обернулась к нему и лукаво произнесла:

— А ты на мне женишься?

Влад понял, что это дочь Нана. Сколько ей было два года назад, когда сгорел дом? Двенадцать. Значит, ей и теперь оставалось двенадцать, ведь мёртвые не растут и не стареют.

— Я бы женился, если б ты не умерла.

— Я же не виновата, что я мёртвая, — возразила дочь Нана с детской обидой в голосе. — Ну, скажи — женишься? Женишься?

Влад молчал, думая, как бы лучше отвязаться от покойницы, а девочка в ожидании ответа вертелась перед зеркалом как ни в чём не бывало.

Вдруг что-то случилось. Она ахнула и схватилась за левый бок. Влад ринулся вперёд, на помощь и тут увидел, что между пальчиков с колечками сочится алая кровь. Однако дочь Нана не испытывала боли, а только досаду.

Именно таким досадливым движением девочка отняла руки от бока. Спрятать под ладонями внезапно появившуюся

ся рану не получалось. Как же скроешь алое пятно, которое расползается по платью очень быстро! Вот уже и на пол капает кровь.

Влад по-прежнему не видел лица своей невесты, но знал, что та растеряна и огорчена. Она ведь хотела выйти замуж, а внезапно появившаяся рана мешала ей в этом.

– Ты на мне уже не женишься, да? – спросила дочь Нана. – Потому что я такая? Но ведь ты обещал! Мой отец сказал, что ты женишься. А теперь его нет, и некому призвать тебя к ответу! Ты меня обманул!

– Да как же я могу на тебе жениться, если ты мёртвая?

– Потому что ты обещал!

– Я спрашиваю не почему, а как, – раздражённо повторил Влад. – Как это можно теперь? Я что, землю из твоего дома в платочке к алтарю понесу? Ведь я знаю, что от тебя только горстка пепла осталась, да и тот давно пропал.

Дочь Нана потупилась.

– А почему ты тут стоишь и кровь свою льёшь? – продолжал спрашивать Влад. – Если ты сгорела, почему у тебя на боку рана? Или ты умерла не в огне?

Девочка вдруг глянула своему несостоявшемуся мужу куда-то через плечо, и он даже сквозь кисею увидел, как её глаза расширились от ужаса. Влад начал оборачиваться, одновременно правой рукой нащупывая рукоять кинжала, заткнутого за пояс, и в это мгновение проснулся.

Сновидец обнаружил, что уже не стоит посреди незнако-

мой комнаты, а лежит в кровати в отцовских покоях, очень знакомых, и что сейчас не день, а ночь.

Сердце колотилось. Правая рука, собиравшаяся сжать рукоятку кинжала, которого наяву не было, сама собой сжалась в кулак, и Влад даже стукнул кулаком по одеялу, потому что очень хотелось вернуться в сон и увидеть тайного врага, но после пробуждения это стало невозможно. Всё, что теперь можно было делать, – это размышлять о том, кто бы такой мог привидеться.

Серебряный свет заливал комнату – была ночь накануне полнолуния, – и Влад, оглядывая обстановку вокруг, не мог отделаться от странного чувства, что если очень захотеть, то неизвестный враг, которого не удалось увидеть во сне, сейчас привидится наяву, выйдет из самого тёмного угла.

Девятнадцатилетний юнец даже произнёс тихо:

– Ну, что же ты... Выходи...

Никто не вышел, и тогда Влад начал размышлять о боярах-предателях, ведь неизвестный враг мог оказаться одним из этих людей.

Новый хозяин дворца уже знал достаточно, чтобы попробовать составить в голове картину событий двухлетней давности. «Чтобы устроить заговор, предателям следовало собраться где-то и всё решить», – начал рассуждать Влад и почти сразу пришёл к мысли, что собрание случилось в доме главного заговорщика, то есть боярина Мане Удрище, и что первым в заговор оказался вовлечён Тудор, ведь в грамотах

князя Владислава имя Тудора стояло сразу после имени Мане. Вряд ли такой порядок в грамотах мог оказаться простой случайностью!

Владу почему-то представились поздний вечер и некая обеденная комната, освещённая лишь свечами. А ещё представилось, как Мане со своим братом Стояном сидит за столом, где выставлено скромное угощение, ведь к тому времени, когда бояре начали готовить заговор, Рождественский пост уже начался.

Владу представлялось, как в комнату вваливается Тудор. В совете у Владислава Тудор оказался ниже Мане, а вот в совете у Влодова отца дело обстояло наоборот, и, значит, пока заговор ещё не составил, Тудор должен был говорить с Мане и Стояном свысока.

Истово перекрестившись на иконы, висевшие в правом углу от двери, Тудор, наверное, произнёс небрежно: «Доброго вечера хозяевам. Зачем звали?»

«Поговорить надо», – конечно, ответил Мане, причём тихо, ведь он всегда казался скромным и незаметным.

«О чём поговорить?» – наверное, спросил Тудор, громыхая лавкой и усаживаясь за стол.

«О беде, которая на нас надвигается, – вероятно, сказал Мане и, разумеется, добавил: – Господин Янку из Гуниада очень недоволен нашим государем».

Влад был совершенно уверен, что с этой фразы начался заговор и что её произнёс Мане Удрище. Она отражала всю

суть! Могущественный венгр, которого в Румынии многие называли на румынский лад – Янку, – оказался недоволен отцом Влада. Это недовольство, зревшее далеко за горами, породило страх уже в Румынии и стало причиной предательства, пусть никто, кроме Мане, поначалу не боялся.

«Не доволен? И что?» – должен был небрежно ответить Тудор, но всё же насторожиться.

«Янку, если захочет, сможет собрать большое войско, и ты это знаешь», – конечно, напомнил Мане.

«И что? – наверное, повторил Тудор. – Зима уже почти наступила. Все горные дороги скоро занесёт снегом. Значит, если Янку не собирается перейти горы в ближайшие три недели, то в эту зиму уж точно к нам не явится. Чего ты вдруг всполошился?»

«Я имею сведения, что Янку собирает войско и придёт к нам до того, как дороги станут непроходимыми, – наверняка сказал Мане. – Я получил эти сведения от купца из-за гор. Я продал этому купцу пчелиный воск и согласился уступить в цене, когда купец обещал рассказать мне весьма важную новость».

«Тогда почему ты не сказал об этом во дворце на совете?» – конечно, удивиться Тудор.

«А наш государь призадумается, если я скажу? – Мане должен был с сомнением покачать головой. – Я могу сказать об этом на следующем совете, и ты увидишь, что наш государь, не задумавшись ни на мгновение, тут же повелит нам

собирать войско. Он решит сразиться с Янку, а ведь ты знаешь, что биться с Янку бесполезно. Войско у этого человека лучше вооружено и обучено, чем наше. Разумнее сразу начать переговоры о мире, но наш государь ничего такого не станет начинать. Он пойдёт в бой и погубит себя, а также нас заодно».

Подробность про купца, покупавшего воск, Влад придумал, потому что не знал пока, откуда боярину Мане Удрище стало известно о планах Яноша, но в то же время не приходилось сомневаться, что Мане, узнав о намерениях Яноша, сразу решил, что отец Влада станет воевать. Отец непременно стал бы воевать и не покорился бы венгерской власти, ведь иначе погубил бы двух своих сыновей, оставшихся заложниками у султана Мурата в доказательство верности туркам – туркам, а не венграм! Отец ценил жизни детей, а бояре, конечно, ценили свои жизни... А ещё очень ценили своё добро!

Владу так и слышался тихий голос Мане, увещевавший Тудора, а вот голос Манева брата Стояна не слышался. Представлялось, что Стоян ничего не говорил, но кивал непрерывно.

«Только подумай, что случится, – должен был говорить Мане боярину Тудору. – Придёт Янку, сместит нашего государя. А мы, даже если сохраним наши жизни, впадём в нищету, ведь у нас отберут все наши имения...»

«Отберут?»

«Да. Чтобы вручить тем, кто поддержит нового государя».

«Ты зря так беспокоишься, – наверное, ответил Тудор. – Вспомни, что было не так давно. Янку отобрал трон у нашего государя, но наш государь всё вернул себе с помощью султана. Вернёт и на этот раз».

«Да, я помню, как было, – конечно, отвечал Мане. – Помню, как мы жили при том государе, которого поставил Янку. Я лишился своего имения возле Тырговиште. И у тебя тоже отобрали многое. Ты помнишь?»

«Когда наш государь вернулся с турецким войском, ты получил всё обратно. И я тоже вновь обрёл потерянное», – должен был сказать Тудор, а Мане не мог не твердить своё:

«Да, но я потерпел многие убытки. Я лишился доходов, которые мог бы получить по осени. Оброк собрал временный владелец. Да и дом мой оказался разорён. Мне пришлось всё восстанавливать. А тебе?»

«Убытков я не избежал, согласен».

«Так и впредь не избежишь, – должен был говорить Мане. – Янку не оставит нас в покое. Он снова придёт, поставит некоего своего ставленника, а после придут турки и возвратят трон нашему государю, а затем опять придёт Янку воевать с нами, и так без конца. Янку – упорный человек, а вот у султана много других забот, кроме как помогать нашему государю. Что, если однажды султан не захочет помочь? Мы лишимся всего, если раньше не сгинем в бесполезной битве, которую затеет наш государь этой зимой. Рано или поздно

мы сгинем или разоримся. Ты хочешь этого?»

«Никто не хочет, – конечно, ответил Тудор, – но я верю в разум нашего государя. Завтра на совете ты скажешь, что Янку собирает войско, а если ты не скажешь, то я сам скажу».

«Что ж... скажу, и посмотрим, что будет, – конечно, согласился Мане. – Надеюсь, наш государь не станет отдавать губительных повелений».

Мане оказался хитрым человеком. Он знал, как поступит отец, заботящийся о своих сыновьях, отданных в заложники. Мане знал, что отец Влада решит сразиться с Яношем, а после того, как на совете были отданы «губительные повеления», хитрый Мане, разумеется, говорил с Тудором снова, и на этот раз Тудор был согласен, что надо что-то предпринять. «Поддался предателю и тоже стал предателем!» – думал Влад.

Выдуманное походило на правду, но тратить время на выдумки новому хозяину дворца больше не хотелось. Он поднялся с кровати, натянул турецкие шаровары, надел поверх белой исподней рубахи длинный турецкий халат, сунул ноги в турецкие домашние туфли и вышел в соседнюю комнату, где спали трое слуг.

Слуги, разумеется, тут же проснулись, вскочили со своих постелей, сонно моргая, но старались принять бодрый вид.

– Позовите писаря Калчо, – сказал Влад.

– Что-то случилось, господин?

– Нет.

Влад понимал, что заниматься государственными делами предпочтительнее днём, а не ночью, но надежды заснуть уже не было, поэтому потратить следующие несколько часов на хождение из угла в угол и на пустые рассуждения казалось жалко.

– Предупредите писаря, что сейчас мы будем составлять ответ на письмо в Брашов. Я придумал складный красивый ответ и хочу изложить всё на бумаге, пока не забыл.

* * *

Сон, виденный в первую ночь во дворце, наверняка был предзнаменованием, но жизнь совсем не походила на то, что было явлено. К примеру, ни город, ни дворец не остались пусты.

Прошла пара дней, и вот жители Тырговиште перестали бояться. Влад встречал на улице всё больше людей, которые почтительно кланялись, давали дорогу. Во дворец вслед за Нае стали возвращаться слуги, а затем начали приезжать бояре, которых Владислав по разным причинам не захотел к себе приблизить, так что в тронном зале очень скоро не осталось ни одного свободного места.

Лишь священник дворцового храма по-прежнему отсутствовал, поэтому новый хозяин дворца оказался вынужден ездить к обедне в митрополичий собор, но и это в итоге обернулось к лучшему – в соборе вдруг объявился митрополит, который в воскресенье сам совершал службу.

После её окончания некий дьякон передал Владу устное приглашение явиться «к владыке», то есть в митрополичьи палаты, которые находились совсем недалеко – на другой стороне городской площади.

Пришлось вместе с дьяконом пешком пересечь площадь, затем – двор митрополичьих палат, подняться на крыльцо, а в палатах, напустив на себя скромный вид, вежливо говорить с седобородым старцем, который был облачён в чёрные монашеские одежды и восседал в резном кресле.

С этим человеком Влад не был знаком. Четыре года назад, когда румынских княжичей провожали в Турцию, благословение в дальнюю дорогу давал другой митрополит. Про нынешнего Влад знал только то, что этот помазывал Владислава на трон. Теперь же старик был совсем не прочь провести обряд для нового правителя, если от этого будет выгода церкви. «Владыке тоже нет дела до того, законный ли государь носит корону», – подумал Влад, и эта мысль очень мешала обращаться к митрополиту почтительно.

Всё же пришлось сдержаться, и сдержанность была вознаграждена. Через неделю Влад прошёл церемонию помазания в том же соборе на площади и, окружённый боярами, торжественно проследовал во дворец, чтобы сесть на трон.

К тому времени в казне уже появились деньги, поскольку Владислав по осени не успел собрать все подати и их привозили теперь уже новому государю. Влад понимал, что привозят далеко не всё – многое прикарманивается, – но пока он

с этим ничего не мог поделать.

Искать новые доказательства боярского заговора Влад тоже не мог. Вместо этого приходилось ездить по стране, посещать города и крепости, утверждать там начальников из числа своих людей, хотя, конечно, эти люди остались бы своими лишь до поры. Они не стали бы проливать кровь за своего государя.

Может, поэтому во сне тронный зал виделся пустым? Ведь верными до поры были и бояре Влада. Они бы рассеялись, как дым, при первой же опасности. Это понимали даже турки, и потому новый румынский государь совершал дальние поездки в сопровождении большого турецкого отряда из нескольких сотен всадников, приставленных Караджой-беем.

Наконец, Влад добрался до монастыря Снагов, где был похоронен отец. Там юный государь узнал подробности похорон, но они не пролили свет на историю с боярским заговором. Влад надеялся, что узнает больше. Надеялся, что дух отца как-нибудь заговорит с сыном. Даже была минута, когда казалось, что заговорил – дух просил о мщении. Но произошло ли это на самом деле?

Влад даже приказал вскрыть могилу, хотел устроить что-то вроде встречи с родителем – последней встречи на границе мира живых и мира мёртвых. Юный государь видел отцово тело и на мгновение почувствовал, будто сам пролежал два года в могиле. От этого окрепло решение мстить, но отец

так ничего и не сказал.

Наверное, всё, что он хотел сказать, было ниспослано во сне. А может, ничего не было ниспослано, и сон-загадку Влад загадал себе сам. «Если сам загадал, значит, сам и отгадаешь, – говорил себе юный правитель. – Кто напугал Нанову дочь? Кто прятался за спиной? Возможно, Янош и Владислав, ведь от них ты в своём сне не избавился, не посадил их на кол заодно с боярами-предателями!»

В поездках и бесплодных раздумьях время летело незаметно. У христиан уже почти настал декабрь, а у магометан закончился месяц рамазан, который, как известно, является периодом строгого поста, поэтому окончание рамазана – большой праздник⁸.

По случаю окончания рамазана Влад был приглашён в турецкий лагерь, где пировал с Караджой-беем и другими турецкими военачальниками, но приглашение не могло считаться знаком настоящего уважения. Христианин, пусть и высокородный, никогда не станет ровней мусульманину – эту истину Влад усвоил твёрдо и потому, узнав, что Караджа-бей зовёт на пир, сразу подумал: «Это неспроста. Ведь я туркам не настоящий друг».

Османское войско и впрямь вело себя не как в гостеприимных землях, а так, словно находилось на войне. Лагерь обнесли рвом, за рвом поставили дреколья как защиту от вражеской конницы, а за дрекольями – ещё один оборонитель-

⁸ Окончание рамазана в 1448 году пришлось на последние числа ноября.

ный круг из повозок, однако наибольшая часть этих повозок, судя по их строению, были не турецкими. На них туркам привезли купеческие товары в уплату за то, что никто не станет грабить Тырговиште.

В лагере царило шумное веселье. Турецкая армия сидела вокруг костров, ела баранину, сушёные фрукты, запивая лошадиным молоком, пела, а кто-то даже пускался в пляс. Зато жители в румынской столице не очень веселились, ведь за их счёт праздновался и теперешний праздник. Влад знал, что шесть тысяч румынских овец пошло под нож, чтобы турки могли, по обычаю, отметить окончание рамазана, а уж возы с сушёными фруктами никто не считал.

Даже бояре на совете нет-нет да и спрашивали, когда же турецкие воины отправятся восвояси. Юный государь отвечал, что скоро, но в то же время не мог не понимать, что его положение на троне после ухода турецкой армии сделается очень шатким. Сегодня Влад в сопровождении небольшой свиты, состоявшей из его слуг, некогда подаренных султаном, явился в турецкий лагерь, чтобы узнать свою дальнейшую судьбу.

Вот и огромный узорчатый шатёр Караджи-бея, где пировало полсотни турок – именно столько могла вместить эта тканая гора, из недр которой теперь доносились разговоры и музыка.

Гость спешил, отдал оружие Войко и по расстеленному прямо на земле ковру пошёл ко входу.

Снаружи было светло и холодно, а внутри – темновато и душно. В полумраке, разгоняемом десятками подвесных светильников, вокруг белых скатертей, выстланных в длинный ряд и уставленных яствами, сидели все турецкие военачальники. Пили они не лошадиное молоко, а вино, поэтому некоторые уже порядком захмелели и, шутки ради, хватили за ноги новоприбывшего гостя, которого турецкий слуга вёл вдоль стенки шатра – туда, где во главе собрания сидел сам Караджа-бей.

Подойдя к нему на расстояние пяти шагов, Влад прижал правую ладонь к груди и, отвесив поясной поклон, произнёс положенное по случаю витиеватое приветствие:

– Желаю всяческого счастья верному слуге великого и непобедимого султана Мурата. Пусть твоя слава множится вместе со славой твоего господина. Пусть никогда не затупится твоя сабля и не ослабеют руки. Пусть хрустят вражеские кости под копытами твоего коня.

– И тебе всяческого счастья, Влад-бей. Садись и будь моим гостем, – ответил Караджа-бей.

Гостя усадили справа от хозяина, совсем рядом, и это говорило о том, что приглашение в самом деле было получено неспроста – предстояла важная беседа, – однако предводитель турецкого войска не стремился сразу перейти к делу. Обычай гостеприимства требовал сначала поговорить о пустяках. Или пустяками это только казалось?

– Небеса часто посылают нам дождь, а снега почти нет, –

задумчиво проговорил Караджа-бей. – Выпадет и растает. Можем ли мы ждать настоящего снега в ближайшие дни?

– Я думаю, что настоящий снег мы увидим через неделю, – так же неспешно ответил Влад.

– Моим верблюдам такая погода неприятна, – заметил военачальник. – Холодная вода пропитывает верблюжью шерсть, и животные мёрзнут.

– Верблюды не созданы для северных стран, – сказал Влад, – но многое в таких случаях зависит от военачальника. Я слышал, что у одного искусного полководца даже теплолюбивые слоны могли преодолеть заснеженный горный перевал. Полагаю, что ты, Караджа-бей, не менее искусен в том, чтобы водить войска.

– Да, я тоже думаю, что мои верблюды не падут, – улыбнулся султанов военачальник.

Меж тем слуги начали разносить чай, подслащённый мёдом. В первую очередь, конечно, несли Карадже-бею и сидящим рядом с ним военачальникам. Влад же, чуть повернув голову, наблюдал, как один слуга держал поднос с чашками-пиалами, а второй наполнял их из большого медного чайника и по очереди подавал пирующим.

В Румынии чай пили разве что заезжие купцы с Востока, поэтому вид пиал, да и самого чайника казался юному румынскому князю необычным даже после четырёх лет, прожитых в Турции.

По традиции Влад получил чашку последним – гостю да-

вали возможность убедиться, что хозяева пьют и питьё не отравлено. Слуга с поклоном протянул пиалу двумя руками, а Влад принял её правой рукой и, не торопясь, пригубил угощение.

Караджа-бей, сидящий рядом, целую минуту причмокивал, наслаждаясь напитком, и, наконец, решил, что обычай гостеприимства соблюдён, поэтому можно перейти к делу.

– Я узнал, где сейчас находится свинья Юнус, – произнёс турок, а Влад, услышав уничижительное наименование, прочно закрепившееся за Яношем Гуньяди, наострил уши.

– И где же эта свинья?

– За горами совсем близко. В большом городе в двух днях пути отсюда.

– В Брашове? – удивился Влад.

– Да, вы называете этот город так, – невозмутимо отвечал Караджа-бей.

– Ах вот почему брашовяне ничего не ответили мне на письмо, – пробормотал Влад и пояснил турецкому военачальнику. – Я говорил тебе, что они прислали мне приглашение приехать в гости. Я ответил, что занят и не могу приехать, но думал, что они станут уговаривать меня, а они не стали. Больше писем из Брашова не было, и я всё думал – почему. Значит, потому, что Юнус уже там.

– Мои разведчики только что вернулись из тех краёв и говорят, что свинья Юнус собрал войско, которое вот-вот готовится выступить, – почти перебил его Караджа-бей.

После таких новостей история с письмом интересовала его очень мало, да Влад и сам понял, насколько важны нынешние события:

– Твоё войско сразится с Юнусом? – спросил он.

Караджа-бей не ответил, лишь поднял брови. У турок это означало не удивление, а безоговорочное «нет», но Влад, даже зная это, решил настаивать. От турок сейчас зависело, осуществит ли юный румынский государь свою месть:

– Но почему бы тебе не сразиться с этой свиньёй?

– Свинья Юнус умён, – твёрдо произнёс Караджа-бей. – Он сейчас не придёт. Он придёт позже.

– Тогда оставайтесь, – сказал Влад, совсем позабыв, во что обходится жителям Тырговиште содержание войска и что народ уже ропщет.

– Моё войско должно уйти до того, как пойдёт снег, – всё так же твёрдо произнёс Караджа-бей. – У многих воинов нет тёплой одежды. Если я останусь, эти воины заболеют и уже будут не воины. А свинья Юнус надеется на такой поворот дела. Хочет, чтобы моё войско ослабело в ожидании. Лишь после этого он нападёт, поэтому я не стану ждать. Я уйду.

– Юнус не сможет долго выжидать, – попробовал возразить Влад. – Если пойдёт снег, войску Юнуса трудно будет перейти горы, и чем больше выпадет снега, тем труднее.

– Я слышал, что два года назад он перешёл горы, когда снега уже было много, – недоверчиво заметил Караджа-бей.

Два года назад... Турецкий военачальник имел в виду по-

ход, когда Янош Гуньяди пришёл в Румынию, чтобы свергнуть Владова отца. Это случилось в конце декабря. В конце.

«А сейчас только начало, — понял юный румынский государь. — Турки не станут ждать целый месяц. Не станут мокнуть под холодным декабрьским дождём. Не станут мёрзнуть под снегом, если на это нет воли султана».

— Но разве ты не должен помогать мне? — Влад предпринял последнюю попытку уговорить Караджа-бея. — Великий султан приказал тебе это. Значит, ты должен остаться.

Турецкие брови, успевшие вернуться на прежнее место, опять сдвинулись вверх.

— Но почему? — не отставал Влад, поэтому Караджа-бей оказался вынужден пояснить юному глупцу:

— Великий султан не приказывал мне воевать с Юнусом. Он приказал лишь помочь тебе получить трон твоего отца. Я в точности исполнил повеление своего повелителя и больше ничего не должен.

Влад плохо помнил, как прошло оставшееся время пира. Говорить с Караджой-беем было не о чем, а другие турецкие военачальники, сидевшие рядом и слышавшие разговор, словно в насмешку надавали юному румынскому князю разных советов, как сразиться с Яношем Гуньяди, когда венгерское войско придёт.

«Они разве не понимают, что у меня нет воинов? — думал Влад. — Та дружина, которая есть, разбежится по домам при первом же слухе о том, что Янош идёт».

Из лагеря юный румынский князь возвращался с понурой головой. Теперь стало совершенно ясно, что месть в ближайшее время не осуществится. Владу ничего не оставалось – только бежать из Румынии.

После духоты шатра осенний ветер казался ещё более холодным. С севера, с гор, наползало стадо тяжелых туч. «Может, из них и повалит первый снег? – спрашивал себя юный правитель. – Может, не стоило уверять турецких военачальников, что снег мы увидим лишь через неделю? Нет, всё правильно. Для снега слишком рано».

Кони Влада, Войко и остальных Владовых слуг мерно вышагивали по дороге, которой ещё месяц назад здесь не было. Её проложили турки, точнее, вытоптали. Обустроивая свою стоянку, они сновали туда-сюда, и вот поглядите – почти такой же широкий тракт, как те, что существовали испокон веку и соединяли Тырговиште с соседними городами. «И почему султановы военачальники так боятся Яноша Гуньяди? Если б не этот страх...» – думал Влад.

– Послушай, Войко, – с напускной весёлостью произнёс юный румынский князь, – а может, и нам с тобой отправиться в турецкие земли вслед за Караджой-беем?

– Караджа-бей спросит тебя, зачем ты едешь с ним, – слуга покачал головой. – И что ты ответишь? Надо будет найти достойную причину. Достойную, – повторил он. – А разве она есть?

– Я скажу, что хочу отвезти султану дань за этот год, – всё

так же весело ответил Влад. — Тогда Караджа-бей не посмеет препятствовать моему возвращению в Турцию. Я приеду ко двору, вручу дань, а если к тому времени мой трон окажется захвачен Владиславом, то останется только руками развести. Ах, как же это вышло!

Девятнадцатилетний юнец натужно рассмеялся, представляя, как будет разыгрывать перед султаном простака, а вот Войко, кажется, испугался. Судя по всему, серб не хотел возвращаться в Турцию. Наверное, не хотел оттого, что здесь он являлся слугой, а в турецких землях снова стал бы слугой-рабом. Такое никому не понравится.

Войко ещё минуту назад полагал, что возвращение в Турцию для господина невозможно, но выплата дани, пусть даже в этом году её никто не ждал, и впрямь могла стать хорошим предложением.

— Не езд, господин, — взмолился серб.

— Почему? — теперь уже недовольно спросил Влад и продолжал: — Я что, должен ждать, пока Гуньяди появится здесь со своим войском и снова посадит Владислава на трон? Нет, я предпочитаю убраться восвояси, пока не поздно! В прошлый раз Гуньяди не пожалел даже моего брата. Думаешь, я останусь жив?

Войко замолчал, но всем своим видом выражал несогласие, поэтому господин решил продолжить разговор:

— Куда мне ехать, как не в Турцию? Может, в Молдавию? Но ты же знаешь, что там сейчас стоит войско, которое под-

чиняется Яношу.

– В Молдавии сейчас правит твой дядя, – робко возразил Войко. – Он не даст воинам Яноша схватить тебя.

– Не даст? – усомнился Влад. – Я для молдавского государя никто. Он только по названию мой дядя, а так мы даже ни разу не виделись. К тому же ты ведь помнишь, что я отправил ему письмо две недели назад, а он не ответил. Думаешь, если я приеду, он будет считать меня за родственника?

– Кто знает...

– Нет, – покачал головой Влад. – Я думаю, он потому и не ответил, что боится иметь со мной дело. Воины Яноша находится в Молдавии не просто так. На них держится трон моего дяди. Точно так же, как мой трон держится на турецких воинах. Дядя полностью зависит от Яноша и к тому же женат на его сестре. Нет, я в Молдавию не поеду. В Турции меня примут радушнее. И лучше ехать туда сейчас, вместе с многочисленными попутчиками, которые станут мне ещё и охраной. К тому же в Турцию рука Яноша точно не дотянется.

– Султан Мурат будет недоволен, когда поймёт, что ты приехал не только для того, чтобы привезти дань, – снова принялся возражать серб.

– И всё же пять тысяч золотых его задобрят, – усмехнулся Влад.

– Должно быть, ты надеешься снова получить от султана войско?

– Скажешь, я глупец?

– Султан не даст тебе войско. Господин, подумай. Мурат только что воевал. Он ещё не скоро накопит денег для следующей большой войны. А вдруг он захочет сначала пойти в Азию и воевать с тамошними беями и эмирами?

– Я подожду. – Теперь юный румынский князь сделался угрюмым.

– Ты будешь ждать пять лет... или десять.

– Лучше ждать десять лет, чем разделить судьбу моего отца и старшего брата. Или я должен встать на колени перед Гуньяди и молить о милости?! – Влад, до этого сидевший в седле вполне спокойно, вскинулся, из-за чего конь решил, что хозяин сейчас пошлёт его в галоп.

Пришлось успокаивать коня, а Войко меж тем твердил своё:

– Господин, ты знаешь, что султан в гневе не менее опасен, чем Гуньяди. Подумай, ведь ты будешь полностью во власти султана. Когда станет ясно, что Владислав снова на троне, тебе придётся просить султана об убежище. И Мурат непременно спросит: неужели ты не предвидел, что в твоё отсутствие твой трон окажется занят? И что ты скажешь? Признаешься, что сбежал от Яноша? Или притворишься дураком и скажешь, что ничего не предвидел? А вдруг султана разгневает твой страх перед Яношем? Или разгневает твоя глупость? Или то, что глупость притворная? Знаешь, как говорят у меня на родине? Голова – не вербное дерево, и если

её срубят, из пня уже ничего не вырастет.

Сербская поговорка произвела на юного румынского князя весьма сильное впечатление, и всё же он возразил:

– Это моя голова. Так позволь мне рискнуть ею.

– Господин, прошу тебя – доверься мне. – Войко чуть склонился в сторону господина и положил ему руку на отворот рукава, давая понять, что хочет сказать что-то важное.

Влад остановил коня, а серб продолжал вполголоса:

– Доверься мне, и я найду тебе хорошее убежище в моих родных землях. Пусть я давно не был там, но я знаю эти места. Там есть горные деревни, где ты сможешь пожить вдали от любой власти, будь то власть местных правителей, власть Яноша Гуньяди или султана. А тем временем я съезжу в Молдавию и всё разведая. Господин, подумай. Ведь в моих краях ты не будешь зависеть от воли султана. Ты сможешь сам определять свою судьбу. Разве тебе этого не хочется?

Влад задумался и решил, что Войко прав, но всё же господин не стал сообщать своё решение слуге немедленно.

Часть III

День выдался холодным. Декабрьское небо по цвету напоминало блестящий клинок. Холодный воздух тоже заставлял думать о металле. Если резко вдохнуть полной грудью, то казалось, что в лёгкие вонзаются тысячи мелких игл.

Холодам предшествовала оттепель. Недавно выпавший снег растаял, дорогу развезло, а теперь она замёрзла, сделалась твёрдой, но вместе с тем оставалась неровной, с застывшими на ней следами лошадиных копыт и колеями от повозок. Кони – всё те же трое вороных, подаренные султаном, – с трудом находили, куда ступить, и шли будто не по дороге, а по каменистой горной тропе, так что лишь иногда удавалось перейти в рысь.

– Может, поедем полем? – предложил Влад. – Там земля должна быть мягче.

Войко, ехавший справа, оглянулся по сторонам. Вокруг были лишь серо-жёлтые равнины – ни одного селения поблизости, и ни души вокруг. Впереди высился тёмный лес.

– Господин, давай всё же въедем в лес по дороге, – сказал серб. – На поле свежие следы будут видны, а нам лучше следов не оставлять, ведь мы в этом лесу заночуем.

Нае, ехавший слева, подал голос:

– В самом деле, господин. Так будет лучше.

Пусть Нае за прошедший месяц сумел заслужить доверие

Влада, но сейчас господину было как-то не по себе. В самой глубине сердца мерзкий голос не уставал повторять: «Вот сейчас твои слуги заманят тебя в лес и убьют там, чтобы завладеть твоими деньгами».

Куш возможным убийцам достался бы большой. Обе перемётные сумы Влагова коня были туго набиты мешочками с золотыми и серебряными монетами – княжеской казной, которую Влад взял с собой, когда покинул Тырговиште, спасаясь от венгров.

Венгры, узнав, что турецкое войско уходит, двинулись в Румынию со всей возможной поспешностью, но Влад сейчас почему-то опасался не венгров.

«Почему Войко не хотел, чтобы ты ехал в Турцию? – продолжал мерзкий внутренний голос. – Войко знал, что если ты поедешь в Турцию, то казна достанется султану. Ведь в твоих перемётных суммах те самые пять тысяч золотом, которые ты собирался вручить Мурату как дань. Войко потому уговорил тебя довериться, что решил забрать золото себе».

Сейчас Влад был закутан в длинный тёмный плащ и выглядел обычным путником, но слуги-то знали, что под плащом скрывается кольчуга, надетая поверх кафтана. На боку, разумеется, висел меч и всё же господин почему-то опасался своих слуг, не имевших доспеха, а вооружённых только для вида – ни Войко и Нае не умели толком пользоваться мечами.

«Пусть Войко крупнее меня, но если бы он вздумал на-

пасть на меня, я бы его победил, – мысленно спорил Влад со своим недостойным страхом, угнездившимся в сердце. – Нае так вообще хлипкий. Одного удара хватит. Да и не собираются они на меня нападать. И убивать тем более не собираются».

«А вдруг, когда ты упражнялся в битве на мечах, Войко нарочно поддавался тебе? – продолжал шептать мерзкий голос. – Вот сейчас окажется, что он владеет мечом гораздо лучше, чем ты думал. И ты умрёшь. И твой труп будет брошен на растерзание лесным зверям, а неприкаянный дух останется бродить меж деревьями вплоть до конца времён. А значит, твоя месть Яношу и Владиславу останется неосуществлённой».

«Замолчи! – мысленно приказал Влад. – Рядом со мной не просто слуги, а лучшие слуги. Этим людям я верю. Я не стану подозревать их в измене как раз потому, что хочу осуществить свою месть. Ни одно большое дело не делается в одиночку. Если я перестану верить всем вокруг, то не смогу отомстить. А если не смогу отомстить, то мне и жить незачем. Пусть будет что будет, а веру в людей я не утрачу».

В лесу путешественники довольно скоро съехали с дороги и углубились в чащу. Коням стало идти проще, несмотря на то что им приходилось грудью проламывать лесные заросли. Наконец обнаружилась небольшая поляна, удобная для стоянки. Деревья, окружавшие её, ещё не вполне облетели. Кроны задерживали снег и дождь, поэтому под ними было

сухо – пожухлая трава даже не заиндевела. Иней виднелся лишь на стеблях высокого бурьяна, разросшегося на середине поляны, но этот бурьян всё равно мог послужить хорошей разжишкой для костра.

Все спешили, но Владу только и оставалось наблюдать, как его слуги ловко и быстро рассёдлывают лошадей, достают припасы, разводят костерок. Усевшись на одно из сложенных на землю сёдел, Влад только-только протянул ладони к огню, чтобы согреться, а Войко, кланяясь, уже подал господину на жестяном блюде кусок холодного жареного мяса и пресную лепёшку, ещё не зачерствевшую, ведь они находились в пути всего третий день:

– Лучший способ согреться, это поесть, господин.

Вслед за господином принялись за еду и слуги. На костерке тем временем подогревался горшочек с разбавленным вином, а привязанные кони нашли себе пищу сами, объедая ту траву, которая ещё не успела пожухнуть окончательно.

– Если дозволишь, господин, то я, не дожидаясь завтра, отправлюсь посмотреть, добрались ли остальные до места, – сказал Войко, доедая свой кусок мяса, а лепёшку пряча за пазуху.

Он имел в виду остальных слуг Влада, которые вместе со всем хозяйским скарбом – на телегах, запряжённых волами, – должны были добраться до селения, которое находилось отсюда довольно далеко – в нескольких часах пути.

Ещё в Тырговиште было решено, что путешествовать так

будет безопаснее: слуги на телегах отправятся из города по главной дороге, ни от кого не таясь, а Влад, Войко и Нае, взяв с собой самое ценное, поедут на конях кружным путём. Соединиться всем предстояло в деревне Былтэнь, но не той Былтэнь, что возле Тыргу-Жиу, где отец Влада два года назад встретил свою смерть, а другой – возле города Слатины.

Деревень с названием Былтэнь в Румынии было много. Когда выбирали место встречи, один из слуг ткнул пальцем в это селение, отмеченное на карте, не зная, что господину оно может показаться дверью в могилу:

– Может, здесь?

– Нет, туда мы не поедem, – горячо возразил Войко, ведь он знал о Былтэнь больше, чем тот слуга, однако Влад заставил себя усмехнуться и сказал:

– Я не суеверен.

И вот Былтэнь приближалось. Может, поэтому Влада одолевали мысли о том, что все вокруг – предатели?

Войко тоже беспокоился, но по другой причине. Сидя возле костерка и поедая нехитрый ужин, он всё думал, не встретит ли в деревне засады.

– Будет лучше, если я приеду туда ночью, – продолжал он объяснять, почему хочет навеститься в Былтэнь сейчас, толком не отдохнув. – Если люди Яноша схватили твоих людей и устроили в деревне западню, ночью мне будет легче уйти от погони.

– Хорошо, поезжай сейчас, – согласился Влад.

– А если Войко завтра к предрассветному часу не вернётся, я поеду вслед, – сказал Нае и запоздало спохватился: – Можно мне так сделать, господин?

Влад подумал немного и покачал головой:

– Нет, так не годится. Поезжайте сразу оба. Если к предрассветному часу не вернётся ни один из вас, я пойму, что дела плохи и что мне в Былтэнь соваться нельзя. А вы, если попадётесь, думайте больше о себе. До крови не бейтесь, тогда и вас не убьют. Начнут расспрашивать – слишком уж сильно не запирайтесь, тогда никто вас калечить не станет. А когда люди Яноша явятся на это место в лесу, меня уже здесь не найдут. Завтра по приметам будет такой же морозный день. Если что, я уеду по замёрзшей дороге, не оставив следов.

– Да, пожалуй, так будет лучше, – сказал Войко. – Но, господин, как же ты тут один останешься?

– Неужели я без слуг и ночи не проживу? – улыбнулся Влад.

– А если волки?

– Людей они редко трогают. А если что, меч при мне. Отобьюсь и коня отобью.

Войко и Нае поседлались и уехали, а Влад остался сидеть возле костерка один. «Как там теперь в Тырговиште?» – думал недавний князь, ставший беглецом.

Ему вдруг представился дворец и Владислав, сидящий в тронном зале на княжеском месте. Представились и бояре,

расположившиеся на скамьях справа и слева от прохода к трону, – все те предатели, кто отсиживался в Трансильвании вместе с Владиславом.

«Не так давно я называл их трусливыми, а теперь они, наоборот, веселятся и называет трусом меня», – думал беглый князь. Мысленному взору виделись открытые рты, из которых вырывался смех, а также сотрясающиеся от хохота боярские бороды и бока.

«Почти все хохочут, а кто не хохочет, тот угодливо хихикает», – говорил себе Влад, и сейчас ему было так досадно из-за неудачи, которую он потерпел со своей местью. Он ведь полагал, что к этому времени месть уже будет совершена... А что на деле? Враги не вышли на честный бой. И на честный суд не явились, а разбежались кто куда! Даже свидетелей преступления не нашлось!

Пусть Войко, ободряя своего господина, говорил:

– Ты ничего не мог поделать, – но Влад всё равно был недоволен собой. Ему казалось, что временем, проведённым на троне, следовало распорядиться разумнее и не расточать дни на поездки по стране, посещение крепостей.

По правде говоря, Влад думал, что останется у власти дольше и успеет расследовать хотя бы смерть Нана. Как-никак Нан чуть не стал Владу тестем, поэтому расследование причин пожара в боярском доме представлялось почти таким же важным, как расследование смерти отца и брата. Однако и тут юный князь не преуспел!

Конечно, Калчо подсказал кое-что, но знание, полученное от писаря-болгарина, оказалось отнюдь не полным. И не только в отношении Нана. «Это лишь начало долгого пути к истине. Я всё узнаю и призову предателей к ответу. Так призову, что они не посмеют не прийти. Тогда и посмотрим, кто засмеётся, а кто заплачет» – вот о чём думал недавний князь, опять представляя хохочущего Владислава и весь совет, а затем вдруг вспомнил себя, стоявшего посреди тронного зала четыре дня назад.

После того как состоялся разговор с Караджой-беем, Влад поначалу собрался ехать в Турцию не только потому, что там казалось безопасно. Он думал о том, что отъезд должен выглядеть достойно. Одно дело, когда ты едешь отвозить дань, и совсем другое, когда ты бежишь.

«Если я поеду в сербские земли, то как объяснить это моим боярам?» – спрашивал себя Влад, однако дело разрешилось само собой, когда он, явившись на боярский совет, сообщил «своим верным слугам» две новости.

Первая, которую бояре поначалу посчитали хорошей, состояла в том, что турецкое войско уходит. А вторая новость состояла в том, что Янош Гуньяди с войском стоит в двух днях пути от Тырговиште.

– Надо собирать ополчение, – сказал тогда Влад, и бояре согласились, однако на следующий день половина из них на заседание не явилась, а слуги, посланные к домам отсутствующих, доложили, что дома заперты, а хозяева уехали.

На следующий день на совет не пришёл вообще никто, а Влад, стоя один посреди пустого зала, не выдержал и рассмеялся. Он отлично понимал, что все люди, которые не явились, предали его – да, предали, и это было так похоже на то, что случилось с отцом, – но всё же Влад смеялся.

Конечно, это оказался невесёлый смех, поэтому в зал заглянул Войко и спросил:

– Господин, что случилось?

Господин, ещё раз оглядев пустые боярские скамьи, пояснил:

– А я всё беспокоился, как станут думать обо мне мои слуги, если я побегу. Значит, зря беспокоился, ведь сами они не видят в бегстве ничего недостойного – ишь как скоро разбежались! Хорошо хоть, что я поручил хранение казны не им, а то они бы и казну с собой утащили. Значит, решено. Не поеду в Турцию, а поеду в твои земли.

Вспоминая это недавнее событие, Влад, сидевший у костерка, невольно посмотрел на перемётные сумы, которые лежали рядом с седлом – ведь в них покоилась та самая «казна». Затем он глянул на небо. Оно стало сиренево-голубым, что свидетельствовало о скором приближении ночи.

«Когда станет тёмно-синим, в лесу уже будет ничего не разглядеть», – напомнил себе недавний государь, а ведь с золотом требовалось кое-что сделать, пока окончательно не стемнело, поэтому он вынужденно поднялся и обошёл поляну кругом, исследуя все деревья вокруг. Наконец, в некото-

ром отдалении Влад нашёл приметное дерево с раздвоенным в виде рогатки стволом и подумал: «Под ним закопать клад будет удобно».

Везти золото дальше казалось опасным, да и ни к чему. Такая большая сумма денег могла понадобиться своему обладателю нескоро.

Время тоже казалось подходящее: пока Войко и Нае ездили в Былтэнь, Владу всё равно было нечего делать. Всю ночь сидеть у костерка, дав волю собственным невесёлым мыслям, – с ума сойдёшь. Лучше уж заняться полезным трудом, ведь главное – найти подходящее место, а копать можно и в темноте.

О том, чтобы скрыть от Войко и Нае местонахождение клада, их господин особо не думал, хоть такая мысль и мелькнула. Влад решил закопать золото сейчас вовсе не потому, что хотел воспользоваться отсутствием своих слуг. «Если бы они стремились завладеть золотом, то давно бы попытались, а если не попытались, значит, в их верности не следует сомневаться» – так он всё время повторял себе.

«А вдруг они не уехали в Былтэнь, а притаились за деревьями и наблюдают за тобой? – вдруг опять послышался мерзкий голос страха. – Они узнают место, где ты зароешь клад, но к назначенному времени не вернуться. Тогда ты решишь, что они схвачены людьми Яноша и уедешь отсюда прочь, и вот тогда-то Войко с Нае появятся, чтобы выкопать твоё золото, и им даже убивать тебя не придётся».

– Замолчи. – Влад даже произнёс это вслух, процевив сквозь зубы, и мысленно добавил: «Если б они в самом деле наблюдали, то делали бы это потому, что я собираюсь закопать золото. Но откуда им знать, что я собираюсь? Ведь я сам решил это только что».

Он понимал, что слушать мерзкий голос, доносившийся из самых тёмных глубин сердца, – это прямая дорога к безумию. Человек должен хоть кому-то верить. Должен! А голос призывал не верить никому, твердил: «Даже если они вернутся, то всё равно будут знать, что золото зарыто где-то поблизости, и эта мысль начнёт смущать их. Им захочется покинуть тебя, чтобы идти и искать клад. Зачем тебе такие слуги?»

– Я верю им, – сквозь зубы повторил Влад, после чего вынул из перемётных сумок почти все мешочки с золотом, завернул в свою запасную шёлковую рубаху – ведь шёлковая ткань в земле почти не гниёт – и понёс к запримеченному ранее дереву.

Опустившись на колени, он положил свою ношу рядом, затем кинжалом аккуратно срезал пласт дёрна, чтобы впоследствии закрыть закопанную яму. Если зарытую яму присыпать только опавшими листьями, их вскоре разметал бы ветер, и голый холмик оставался бы заметным даже спустя полгода, а значит, другие путешественники, которые, возможно, решили бы заночевать на поляне и отправились бы в лес за хворостом, могли сразу догадаться, что под деревом

что-то есть.

Теперь осталась самая трудная работа, ведь земля в лесу была твёрдой, а сверху ещё и смёрзлась – копать было тяжело, особенно не имея лопаты. Вместо лопаты Влад пользовался всё тем же кинжалом – раз за разом вонзал в землю, разрыхляя, а затем вычерпывал ладонями и складывал рядом, на корни дерева.

Меж тем сумерки окончательно сгустились. Копатель уже почти ничего не видел, и лишь рубаха, в которую был завернут клад, ясно белела в темноте.

Чем глубже Влад копал, тем мягче становилась земля – внизу-то она не промёрзла, – и вот ему уже казалось, что он вонзает кинжал не в землю, а в чью-то плоть, раз за разом. Слышавшийся при этом лёгкий скрежет казался скрежетом клинка о кольчугу врага, прорванную в результате удара. А сырое чавканье, всякий раз раздававшееся, когда клинок выходил обратно, вызывало перед глазами образ раны, наполняющейся кровью.

«Вот вам, вот вам», – мысленно повторял Влад, вызывая в памяти образы врагов, а когда ощущение их присутствия пропадало, вычерпывал взрыхленную почву и вновь начинал наносить удары.

Он вдруг обнаружил, что выкопал яму куда глубже, чем собирался, потому что чуть не кувырнулся в эту яму, в очередной раз замахнувшись кинжалом: лезвие уже не доставало до дна, и рука, не найдя опоры, пошла вниз, а вслед за ней

и всё тело. Копатель еле удержал равновесие, ухватившись за край ямы другой рукой. Стало даже весело.

– Хватит, глупый мальчишка. Ишь, разошёлся. Всех уже поубивал, на дно ямы загнал, – сказал копатель сам себе и тут почувствовал, что глупая ярость, которая жила в нём уже два года, старательно поддерживаемая и лелеемая, исчезает.

Вернее, сама-то ярость осталась, но начала меняться, чтобы сделаться холодной, как морозный воздух вокруг. Ей по-прежнему было тесно в сердце, но вместе с ней и сердце, казалось, остывало. «Я отомщу всем предателям до единого, но больше не стану вести себя как глупец, который совершает ошибки, потому что не может совладать со своими чувствами», – решил Влад. Тот, кто решил отомстить, не может позволить себе нетерпения, слепого гнева, необдуманных поступков, опрометчивых слов.

Девятнадцатилетний мститель ещё месяц назад, стоя возле озера, говорил по поводу грядущей мести, что «поразмыслить надо как следует», но лишь сейчас понял, почему должен поступить именно так. Владу следовало обуздать своё безрассудство, которое так и порывалось броситься в бой, а иначе враги так и продолжали бы потешаться, как потешались теперь, находясь в Тырговиште.

Размышляя об этом, мститель положил клад в яму, завалял землёй, притоптал её, закрыл дёрном, отряхнул корни дерева, на которые складывал землю, а затем, пошарив вокруг, набрал опавших листьев. Ими Влад посыпал на корни

и на то место, где сам находился, пока рыл яму. Вокруг уже давно сгустилась тьма, поэтому итогов своей работы копатель не видел, но почему-то был уверен, что сделано хорошо.

Наконец, распушив примятую траву близ закопанной ямы, он вернуться к костерку, пока огонь не погас. Если б погас, отыскать дорогу к полянке оказалось бы невозможно – пришлось бы так и сидеть на месте, пока не рассветёт, – однако обошлось.

Влад снова присел на седло, лежавшее на земле, и подумал: «Скорей бы уж Войко с Нае вернулись, принесли хорошие новости».

Остаток ночи он провёл в ожидании, иногда проваливаясь в сон, но тут же просыпаясь, а Войко и Нае вернулись почти на рассвете усталые и, казалось, всё время прислушивались, не едет ли погоня.

– Плохо дело, господин, – сказал Войко. – Нет у тебя больше других слуг. Только мы с Нае остались.

– Говори, как было, – велел Влад, уступая сербу своё место на седле, положенном возле костерка, а сам сел на корточки напротив.

– В Былтэнь целый отряд Яношевых людей, – проговорил Войко, тяжело присаживаясь на седло и, несмотря на тревогу, радуясь долгожданному отдыху.

А вот второй слуга, казалось, так боялся погони, что даже об усталости забыл: Нае, спешившись, жадно отхлебнул вина из походной фляги, после чего тут же принялся собирать

хозяйские и свои вещи, уже этим давая понять, что от несчастной деревни следует немедленно уехать подальше.

«Зря я тогда сказал, что не суеверен», – подумал Влад, а серб меж тем рассказывал:

– Въехали мы в Былтэнь, отыскиали постоянный двор, ещё и в ворота постучать не успели, как слышим – речь нерумынская. Вернее, это Нае понял, потому что я румынскую речь ещё плоховато знаю, а он сразу сказал, что там не румыны.

– Ну... и... – начал понукать Влад, а Войко продолжал:

– Глянули мы поверх частокола и видим – люди во дворе. Двое. Они дверь не закрыли, а из двери свет шёл. Видать, вышли по нужде, впотьмах боялись ходить, вот и оставили себе освещение, поэтому мы их хорошо разглядели – увидели, что одежда у них как у воинов. А сами они вина выпили многовато, поэтому нас не заметили.

– А тут я вижу, – встрял Нае, – во дворе вола стоят нераспряжённые. Я даже впотьмах понял, что наши. У одного звезда белая во лбу.

– Стало нам тревожно, – сказал Войко. – Конечно, на постоянных дворах всякий народ попадает: здешний и нездешний. Да и вола могли быть нераспряжены оттого, что слуги твои только прибыли, не успели ещё о скотине позаботиться.

– Начали мы решать, как быть, – опять встрял Нае. – Нам же следовало всё доподлинно разузнать.

– Мы в ворота стучать не стали, – продолжал Войко. –

Отъехали подальше и договорились, что Нае через забор перелезет и в окна хаты глянет – что внутри делается. Договорились, что с улицы я его подсажу, чтоб частокол перелезть, а обратно на своём поясе вытяну – ремень-то у меня длинный, потому что я сам человек немаленький.

– Так и сделали, – продолжал Нае, не забывая при этом складывать вещи. – Я через забор перелез, к окнам подкрался. Заглядываю, а хата полна воинов – кто за столами ест-пьёт, а кто спит прямо на полу у печки, в плащ завернувшись. И оружие никто из них не снял. Там только шлемы лежали на лавке внавалку, а вот мечи никто не снял, как будто ждали кого-то.

– Так... – многозначительно произнёс Влад, понимая, кого ждали воины, однако рассказ Нае ещё не подошёл к концу.

– Заглянул я с другого окна. Ведь там столько людей в хату набилось, что я сразу всего не разглядел... И вот тогда-то увидел твоих слуг. Сидят на полу, верёвкой обмотанные, по-нурые и битые к тому же.

– А выручить их было никак не возможно? – спросил Влад, но тут же сообразил, что вопрос получился глупым. Конечно, невозможно, когда их целая толпа воинов охраняла!

Нае на минуту перестал собирать вещи и, казалось, чего-то испугался, но это он вспомнил свой недавний испуг:

– Я тоже об этом думал. Вот об этом как раз и подумал, когда один из твоих слуг увидал меня через окно. Он голову

повернул, с надеждой так смотрит, но... вот только глянули мы в глаза друг другу, как вдруг в хате крик: «Эгей!» Остальных слов я не понял, потому что не по-румынски кричали. Вижу только, что все воины разом вскочили, и тут один из них пальцем тычет на моё окно. Значит, это они меня увидели! Я только от окна прянул, а уж понял – человек двадцать из хаты на двор кинулись меня ловить! Побежал я к тому месту у забора, где Войко пояс перекинул, да поздно – там уж эти воины. Оглянулся, а мне и обратный путь отрезан. Сам не знаю, как выбрался. Наверное, Бог мне на время крылья отрастил, потому что я вот с того места, где стоял, так и взвился, подпрыгнул, руками за острые верхушки кольев ухватился, подтянулся. Сам не знаю, как перелез. «Войко, – кричу, – где ты?! Спасайся! И меня спасай!»

– Я, конечно, сразу на крик примчался, – сказал Войко. – Сам на коне уже и второго коня за повод держу. «Вот, – говорю, – Нае, влезай скорей». И только-только успел Нае в седло забраться, как на постоялом дворе ворота открылись, оттуда толпа – кто верхом, а кто пешком с факелами. Припустились мы во весь дух. Верхом за нами гналось человек восемь, остальные все пешие, но те, кто верхом, долго не отставали. У них кони были свежие, а у нас уставшие. Но всё-таки отстала погоня, потеряла нас в темноте.

Нае, глаза которого только что были широко раскрыты от страха, успокоился и начал думать теперь о будущем, которое представлялось омрачённым большой потерей:

– Эх, сколько добра всякого было в телегах. Всё пропало. И вся одежда твоя пропала, господин. Жалко. Особенно кафтанов жалко, которые родителю твоему принадлежали. Два года я их хранил, и вот так в один день всё потерялось. Только один и остался, который на тебе.

– Господин, ты, я вижу, золото закопал? – меж тем спросил Войко.

Влад сидел перед ним на корточках, поэтому сербу было видно, что руки и колени господина испачканы в земле.

– Закопал, – подтвердил Влад и, глянув на небо, которое уже начало светлеть, добавил: – Пойдите поищите. Место от поляны недалеко. Если не найдёте место, значит, закопано хорошо.

Войко устало возразил:

– Господин, темно ещё. Что я там разгляжу?

– Тогда можем дождаться, пока чуть светлее станет.

– Господин, уезжать надо, – сказал Войко, но не мог послушаться повеления, поэтому всё-таки поднялся, порылся в вещах, уже наполовину уложенных расторопным Нае, достал из мешка короткую палку, обмотанную паклей, – в походе вещь нужная, – запалил её от костерка и пошёл в лес, освещая себе путь.

Влад шёл следом. В предрассветной мгле лес выглядел не так, как накануне вечером, – трудно было узнать знакомые места. Дерево с раздвоенным стволом отыскивалось не сразу, но даже тогда, когда отыскивалось, Войко, внимательно осмат-

ривая землю, ничего не заметил и прошёл мимо.

Влад не удержался и тронул слугу за плечо.

– Здесь, – сказал он, указывая на подножие дерева, и добавил многозначительно: – Почти пять тысяч золотых зарыто.

Войко оглянулся, но вместо того, чтобы подойти ближе к дереву, подошёл к господину, поднял факел, чтобы осветить ему лицо, произнёс обиженно:

– Так вот, значит, как ценится моя верность. В пять тысяч золотых ценится. Лестно слышать, господин, что ты оценил мою верность так. Значит, ты полагаешь, что за сотню или полтысячи золотых я тебя не предаю, а за пять тысяч предаю? Высоко ты ценишь мою верность. Весьма высоко. Благодарю. Великая мне честь.

Слуга произнёс это не по-румынски, а по-сербски, что считалось само по себе непочтительно. Пусть Владу был понятен сербский язык, но ведь это слуги обязаны говорить на языке господина, а не господин – на языке слуг.

И всё же господин не обиделся. «Неужели и этого доказательства верности тебе мало?» – спросил он сам себя. Наверное, раскрытие тайны о месте, где зарыто золото, могло кому-то показаться опрометчивым, но Влад считал иначе. Уверенность в том, что Войко, даже зная точное место, не станет обкрадывать господина, определённо стоила того, чтобы ради неё рискнуть пятью тысячами. Определённо стоила!

Несмотря на то что Влад попытался обратить всё произошедшее в шутку, Войко ещё неделю продолжал хмуриться и даже позволял себе ворчать. Когда Влад спрашивал, куда они едут, то слышал в ответ:

– Известно куда – напрямиком к Яношу. Он мне за тебя награду обещал.

За Войко всё пояснял Нае, и благодаря пояснению Влад знал, что они удалились от Яноша и всего венгерского войска настолько, что могли уже не опасаться погони. Потому и ночевали теперь не в лесу, а на постоянных дворах, ели горячую пищу, а кони получали хороший овёс.

Через несколько дней путешественники приехали в горы, но эти горы мало походили на те, что возвышались на севере Румынии и отделяли её от венгерской Трансильвании.

Если бы Влад сейчас ехал в Трансильванию, то, следуя через горные долины, часто видел бы возвышавшиеся над лесом ряды скалистых вершин, увенчанных снежными шапками, но здесь этого не было. Здесь по правую и левую стороны от дороги ему виднелись лишь огромные холмы, иногда заросшие деревьями и кустарником, а иногда покрытые лишь жухлой травой, запорошенной снегом.

Меж тем снег выпадал всё чаще. Теперь даже в тёплые дни он не успевал растаять весь, а вскоре начались сильные метели. Бывало, что навстречу начинали лететь огромные белые хлопья, величиной с кулак, но такое светопреставление никогда не длилось долго – полчаса или около того, а затем

снег становился мельче и просто падал, обеляя долину и горные склоны вокруг.

Влад смотрел на эту слепящую белизну и вдруг вспомнил, что уже два года не видел снега. В турецкой столице, располагавшейся чуть южнее болгарских земель, снег почти никогда не выпадал, поэтому зима там становилась временем серых туманов. Тоскливые дни.

Лишь однажды там выпал настоящий снег – вскоре после того, как во дворец, где тогда находился Влад вместе со своим братом Раду, пришла весть о смерти их отца. За одну ночь навалило сугробы почти по колено и даже утром продолжало сыпать. Всё вокруг изменилось, Турция сделалась похожей на родные румынские края, а Раду даже забыл о печалях. Он выбежал из дворцовых покоев во двор и принялся лепить снежную бабу.

Вспоминая об этом, Влад жалел, что Раду остался в Турции, но в то же время следовало понимать, что в Турции одиннадцатилетнему мальчику сейчас будет лучше. «Как бы он перенёс ночёвки в лесу и холодную пищу? – думал старший брат о младшем. – Он бы наверняка простудился и заболел».

Сказать по правде, Влад не всегда проявлял такую заботу. Это началось только в Турции, а прежде дело обстояло иначе. Было время, когда Влад почти не замечал Раду потому, что младший брат казался совсем уж малышом. Разница в возрасте между ними составляла более восьми лет. Как

можно подружиться при таких обстоятельствах? Это трудно, очень трудно.

До отправки в Турцию Влад тянулся к лишь старшему брату – Мирче, который теперь лежал в могиле. Именно вместе с Мирчей Влад играл, обучался наукам, а Раду рос отдельно, порученный заботам няньки.

Лишь при турецком дворе у Влада запоздало проснулась совесть. «Стыдись, – говорила она, – ведь этот маленький мальчик – твой единокровный и единоутробный брат! Единокровный и единоутробный! Раду ничем не заслужил твоего пренебрежения. Посмотри внимательно – он очень похож на мать. Неужели в память о ней ты не можешь проявить чуть больше братских чувств?»

Сходство с матерью явно проглядывало – те же русые волосы и светлые глаза. А ещё было видно, что Раду привык держаться за нянькину юбку, ведь как только малыш окончательно понял, что няньку доведётся увидеть очень не скоро, то сделал Влада своей новой нянькой. Чуть что, так сразу слышался тоненький голосок:

– Братец! Братец!

Поначалу Влад просто не знал, что делать, когда младший брат просил помочь высморкаться или говорил, что упал и больно ударился. Приходилось обращаться к слугам, а они обычно звали лекаря, и начинался настоящий переполох. Понимая, что суета возникла на пустом месте, Влад чувствовал себя глупцом, поэтому вскоре научился-таки сооб-

ражать.

– Братец, у меня живот болит, – однажды пожаловаться Раду.

– А где болит? – спросила «новая нянька».

– Тут. – Брат указал себе на пупок. – И вот здесь. – Он взялся руками за бока возле пояса.

– Иди-ка сюда, – сказал Влад, и после минутного осмотра всё стало ясно. – Ты себе ремень затянул на две дырки туже положенного. Зачем ты это сделал?

– Не знаю, – ответил Раду.

– А теперь не болит? – спросила «нянька», ослабляя ремень.

– Не болит, – удивленно ответил мальчик.

Пусть с тех пор Раду повзрослел и стал куда самостоятельнее, но если бы он сейчас находился не в Турции, то непременно задавал бы детские вопросы: «А куда мы едем? А скоро приедем?»

Ответа на эти вопросы Влад толком не знал. Он слепо доверился Войко, а тот тоже не мог сказать ничего наверняка, потому что находился в поиске – в очередной горной деревне, беседуя с местными жителями, спрашивал будто невзначай, что за селения расположены по соседству и легко ли туда проехать.

Влад понимал сербскую речь, потому что знал славянский язык, имевший с сербским языком много общего. И всё же различались они явно, поэтому следовало помалкивать,

дабышний раз не выдать в себе чужестранца. Оставалось лишь прислушиваться к разговорам своего сербского слуги, который искал такую деревню, добраться к которой было бы как можно труднее.

Наконец она нашлась. Об этом сказал сам Войко, когда все трое путешественников, увязая в снегах, ставших довольно глубокими, ехали через незнакомое горное ущелье вдоль маленькой речки, почти затянутой тоненькой коркой льда.

Остановив коня и дождавшись, когда господин, ехавший след, окажется рядом, серб пояснил:

– Когда нет снега, то здесь даже телеги ездят, а зимой дороги нет. Сейчас ещё можно проехать, а скоро, говорят, так снегу навалит, что коням будет по самую холку. А там дальше – долина, и в ней всего одна деревенька дворов на пятьдесят.

– Значит, там ты меня поселишь? – спросил Влад.

– Это хорошее место для тебя, господин, – сказал серб. – Ты сможешь жить спокойно. Зимой никто не доберётся туда к тебе, даже если б захотел. Да и оттуда народ не станет ездить, что тоже хорошо, потому что не начнут разноситься слухи. Знаешь, как бывает? Приезжает человек из глухого уголка в большое село, рассказывает свои новости, да болтует, что поселился у них богатый господин. А вдруг эта весть дойдёт до слуг Яноша? Ведь, кому надо, тот сразу поймёт, что богатый господин – ты.

– Это ты уже говорил, – напомнил Влад. – И я тебе не раз отвечал, что согласен затаиться получше. Не знаю, настолько ли упрям Янош, чтобы разыскивать меня даже здесь, но я согласен.

Войко кивнул и продолжал:

– А тут ущелье снегом занесёт, и будешь жить всю зиму, как за каменной стеной. А мы с Нае тем временем съездим в Молдавию, узнаем, что там и как, а когда снег растает, вернёмся, всё тебе расскажем, и ты решишь, что делать дальше.

– Это ты говорил тоже, – устало заметил Влад. – Я давно согласен.

Серб лишь пожал плечами. Он больше не обижался, но теперь, наверное, стыдился, что держал обиду так долго. Только чувством стыда Влад мог объяснить то обстоятельство, что теперь Войко проявлял заботу о господине ещё сильнее, повторяя важные вещи, как мать повторяет непоседливому сыну, а то сынок забудет, и стрясётся с ним беда.

По пути через долину серб продолжал проговаривать уже сказанное когда-то – например, о том, что господину лучше жить в деревне безвылазно и никуда не отлучаться, особенно по весне. Влад, не желая отдавать резкого приказа «замолчи», обречённо кивал и посматривал вперёд – на гладкий заснеженный холм среди лесистых гор, на котором виднелась россыпь деревянных домишек, выпускавших в небо белые струйки печных дымов.

«Когда приедем, Войко прекратит материнские наставле-

ния сам, без приказа», – мелькала обнадёживающая мысль, а серб по прибытии в деревню и впрямь стал вести себя по-другому. Он уже нисколько не напоминал мать-наседку, а всем своим видом показывал, что служит очень умному господину и что именно господин придумал поселиться здесь, а Войко ничего сам не знает и лишь исполняет чужие замыслы.

Теперь если серб говорил что-нибудь, то поминутно оглядывался на Влада, будто спрашивал у него, всё ли так, а Влад напускал на себя важный вид, понимая, что Войко предусмотрителен, ведь в деревне об умном господине станут заботиться явно лучше, чем если бы приезжий был дурак, поскольку дурака обмануть – большой соблазн.

Меж тем серб быстро вызнал, что в селе есть одна вдова с малыми детьми, живущая весьма бедно, которая не откажется взять на постой пришлого человека, если ей будет от этого выгода. Детей-то кормить надо! Про саму вдову говорили, что она не ленивая, не безрукая, да и не глупая вроде, так что о постояльце позаботиться сумеет.

Договариваясь уже с самой вдовой, Войко долго торговался, хотя денег у Влада оставалось с лихвой. И всё же господин не позволял себе выглядеть безразличным, когда его слуга обсуждал с «хозяйкой», чем кормить постояльца, во что одевать, сколько раз обстирывать, и в зависимости от этого менялась общая цена за постой.

Наконец сговорились, после чего слуги вместе с господином жили в доме у вдовы ещё три дня, будто проверяя, хоро-

шо ли она умеет хозяйствовать, а затем Войко с Нае уехали, оставив Влада зимовать.

Он уже переживал что-то подобное когда-то – пять лет назад, когда отец ещё не умер, а отцовская ссора с Яношем Гуньяди только-только случилась. Влад вспомнил, как вместе с братьями и мачехой жил в дальнем имении боярина Нана, скрываясь от очередного проходимца, с помощью Яноша усевшегося на румынском престоле. Отец тогда пропадал где-то в Турции...

Влад вспоминал всё это не раз, и вот снова настало время, когда приходилось прятаться, но теперь место казалось ещё более глухое. Рядом с имением Нана, находилось неподалеку от его усадьбы сразу несколько больших сёл, а тут – вокруг только горы, непроходимые из-за снегов.

Деревенька, в которой теперь жил Влад, имела всего две улицы, пересекавшиеся крест-накрест. В центре деревеньки стояла деревянная церковка, крытая дранкой и имевшая невысокую башенку на крыше. Вдоль улиц – деревянные хаты из бруса, крытые всё той же дранкой, а рядом – хлева, колодцы, навесы, под которыми возвышались огромные стога сена. Всё как везде, и смотреть не на что.

На улицах бегала ребятня, играла в снежки. Взрослые показывались редко, занимаясь зимней домашней работой, а если и показывались, то всё больше женщины да старики.

Когда-то давно Влад слышал, что в сербских землях много вдовых женщин, а «мужей сильно убыло», потому что му-

жья полегли в битвах с турками и прочих войнах. Похоже, всё оказалось правдой. Даже в этой деревне было куда больше женщин, чем мужчин. Пусть здешние места считались глухоманью, но и здешние жители тоже платили подати и исполняли повинности, в том числе – воинскую.

– Будь прокляты эти поганые турки! Если так дальше пойдёт, изведут они нас совсем, – сказал один из деревенских стариков.

Старики сидели на завалинках, но долго не выдерживали на холоде и шли по домам греться, зазывая к себе и Влада, чтобы продолжить начатую с ним беседу.

Влад же с удивлением поймал себя на том, что пять лет назад, живя деревенской жизнью, стремился сблизиться со сверстниками, а теперь искал общества седуусых старцев. Со стариками можно было поговорить обстоятельно – о раздорах между правителями сопредельных земель, а также о податях, которые всё растут, и о том, скоро ли ждать новой войны с турками. Всё это больше притягивало Влада, чем беззаботные песни и игры молодых, а ведь ему было всего девятнадцать. Может, причина заключалась в том, что теперь он постоянно вспоминал о несовершённой мести?

Вспоминалась и дочь Нана, но больше не снилось. «Хоть бы и дальше не приходила», – думал Влад, но сомневался, что она отстанет, пока он не отомстит за неё.

Временами снились грамоты, виденные к канцелярии в Тырговиште, но если в действительности они читались очень

легко, то во сне становились мудрёными – разбираешь, разбираешь, а никак не разберёшь, но в то же время чувствуешь, что вот ещё немного – и тебе откроется вся правда.

Наверное, поэтому Влад приобрёл привычку по утрам, сразу после пробуждения, размышлять об истории боярского предательства – продолжать складывать в голове историю двухлетней давности.

Виделась недавнему государю всё та же комната в доме у боярина Мане Удрище, освещённая свечами, но народу за трапезой сидело больше, чем вначале. Хозяин дома теперь принимал у себя двух новых гостей, которыми стали седобородые братья – Станчул и Юрчул. Эти престарелые бояре заседали в княжеском совете дольше, чем кто бы то ни было. Владов отец стал четвёртым по счёту государем, которому они служили.

Несомненно, Мане со своим братом Стояном, а также боярин Тудор, замыслившие послушаться своего князя и не идти в поход, решили посоветаться со стариками, уже привыкшими менять одного князя на другого.

«Угощайтесь, гости, – конечно, говорил Мане, принимая этих стариков у себя. – Благодарю вас, что почтили своим вниманием мой скромный дом».

«Это ты сам, по обыкновению, скромен, – должен был ответить Станчул, старший из седобородых братьев, – а дом твой не хуже, чем у всех».

«Ох, не знаю, надолго ли, – наверное, вздохнул Мане. –

Вы ведь были на недавнем совете у нашего государя и сами всё слышали. Беда на нас надвигается. Скоро война начнётся. Кто знает, чем она окончится. Так и вижу свой дом разорённым врагами. Да и не только свой дом вижу в таком плачевном положении».

«Дай Бог нам победить врага», – разумеется, ответил Станчул, ещё не зная, зачем приглашён.

«Больше, чем война, Богу угоден мир, – конечно, возразил Мане. – Только мир способен принести нам достаток и процветание, а война приносит лишь разорение».

«Что ж делать, если войны не избежать?», – должен был вздохнуть Станчул, а вслед за ним не мог не вздохнуть и его седобородый брат Юрчул.

«Неужели избежать войны никак нельзя?» – возможно, встрял Тудор.

«На всё воля Божья, но наш государь собрался воевать», – наверняка ответил Станчул, теперь уже догадываясь, о чём речь, но прикидываясь непонятливым. Он пережил многих государей именно потому, что отличался осторожностью!

Тудор же, устав от уклончивых ответов Станчула, вполне мог вспылить и сказать седобородым боярам: «Вам двоим хорошо. Вы оба – старцы и потому в поход не пойдёте, в столице останетесь».

Конечно, так дерзко говорить со Станчулом и Юрчулом не следовало! Если это случилось, то Мане Удрище и его брат Стоян должны были призвать Тудора к спокойствию, однако

вспыльчивый боярин не обязательно послушал сразу: «Думаете, война вас не коснётся? Нет, не удастся вам, почтенные, отсидеться за нашими спинами! Когда Янку придёт к нам со своим войском, придёт к нам ко всем разорение, даже если мы живы останемся. Отберут у нас у всех имения и передадут тем, кто поддержит нового государя, которого Янку поставит. А на помощь султана нельзя всё время надеяться. Он уже раз помог, а в другой раз поможет ли? А в третий раз поможет?»

«Дай Бог нашему государю победить врагов, чтоб не пришлось звать воинов султана», – возможно, сказал Станчул, всё ещё прикидываясь непонятливым, а Тудор тогда должен был сказать: «Молитесь или не молитесь, а победы не будет. Вы сами это знаете. У Янку войско сильнее нашего, но нашему государю до этого нет дела».

Если Тудор так говорил, то Станчул и Юрчул, конечно, начали хмуриться – седые боярские брови пришли в движение. Только Мане своим тихим вкрадчивым голосом мог предотвратить назревавшую ссору.

«Вот потому мы вас и позвали, – должен был говорить Мане. – Тудор, а также я и мой брат Стоян хотели узнать ваше мнение по одному весьма важному делу. Вы в совете дольше всех нас, и опыта вам не занимать. Подскажите, как избежать бессмысленного кровопролития. Помогите сохранить мир, который угоден Богу больше, чем война. Мы не хотим войны и желаем жить в мире с Янку. Как нам сделать

так, чтобы Янку не наказывал нас за нашего государя, заключившего союз с погаными турками?»

«Способ только один – направить к Янку письмо и ждать ответа», – должен был сказать Станчул.

«А если письмо попадёт не в те руки?» – конечно, забеспокоился Мане.

«Придётся положиться на волю Божью, – наверняка сказал Юрчул, ведь ему уже давно следовало вступить в беседу. – Однако Бог милостив. Не слишком это опасное дело – слать письма. Важно другое – если отправлять письмо, то сейчас. А иначе поздно станет».

«И вы поможете нам составить письмо?» – должен был спросить Тудор, наконец понявший, что престарелые бояре тоже не одобряют безрассудства своего государя и желают договориться с Яношем.

«Да, мы поможем, – конечно, кивнули Станчул и Юрчул. – Однако вам следует быть готовыми, что Янку, если примет ваше прошение благосклонно, может потребовать оказать услугу».

Влад верил, что события развивались именно так, ведь, насколько он помнил, в грамотах Станчул и Юрчул упоминались среди бояр Владислава отнюдь не последними. Значит, старые предатели тоже сделали многое, чтобы Яношев ставленник вошёл на трон, и это отразилось в документах.

Ах, как хотелось снова увидеть эти грамоты и убедиться, что память не подводит! А ещё хотелось снова поговорить

с Калчо и спросить, не вспомнит ли он ещё что-нибудь про заговор. Наконец, хотелось просто пройтись по улицам Тырговиште, и, наверное, Войко всё-таки не зря говорил:

– Ты уж без нас никуда не отлучайся, господин.

Временами Владу всё-таки не сиделось на месте, и он, забравшись в седло, доезжал почти до самого ущелья и останавливался лишь там, где сугробы поднимались коню до брюха. «Никуда не уедешь, – убеждался всадник, – но и ко мне никто не приедет, ведь дальше снегу ещё больше».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.